

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

АЛЬМА

Аквилегия-М

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

АЛЬМА

ББК 84 (2Рус-Рос) 6
УДК 82-31-93
С 32

Сергеев Л. А.
С 32   **Альма: Повесть / Художники:**
Н. Соколова (обложка), К. Прокофьев
(оформление). — М.: Аквилегия-М; 2016.
— 224 с. — Б.ц.

Повесть «Альма» написана на основе реальных событий. Спасенная писателем собака всегда оставалась его преданным, искренним другом. В 2010 году за повесть «Альма» Леонид Анатольевич Сергеев был удостоен Международной литературной премии им. С.В. Михалкова.

Для младшего и среднего школьного возраста.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

© Сергеев Л.А., 2016
© Издательство «Аквилегия-М»,
оформление серии, 2016

ISBN 978-5-906819-31-4

Глава первая ***Однажды зимой.***

Однажды зимним вечером в нашем подъезде появилась собачонка — девица, щенок. По виду ей было месяца четыре, не больше. Я сразу определил — она беспородная, но её предки явно происходили из овчарок. Во всяком случае, уши у неё стояли и окрас был светло-рыжим, а в осанке угадывалась некая царственность, свойственная сторожевым собакам. Она была с ошейником на длинном поводке, привязанном к перилам лестницы, и я подумал, что её хозяин находится у кого-то из жильцов первого этажа и вот-вот выйдет. Но утром, отправляясь на работу, я увидел собачонку на прежнем месте — лежит, свернув-

шись клубком, и трясётся от холода. Я позвонил в квартиру, где жила первоклассница Аня, которая давно хотела завести собаку, но её родители и слышать не хотели ни о какой собаке, они держали двух кошек.

— Твоя собачка? — спросил я.

— Нет, — покачала головой Аня. — Подружки привели и привязали здесь. Они её нашли у школы. Она ничейная.

— Как же ничейная, когда у неё ошейник с поводком?

— Это Танька ей надела.

— Какая Танька?

— Подружка моя. Она живёт в доме у школы. Танька собачку Альмой назвала.

Услышав свою кличку, собачонка привстала, завиляла хвостом, потянулась к девчонке, но поводок её не пустил дальше двух ступеней.

— Так собачонка Танькина? — спросил я.

— Нет. Альма у них только два дня прожила, потом Танькины родители её выгнали, сказали: «Куда будем девать щенков?» У них уже есть собака — Платон... И мои родители не хотят Альму брать. Говорят: «Давай тебе купим попугая. Попугая — пожалуйста, а собаку — ни за что!» — Аня зашмыгала носом: — Дядь Лёнь, возьмите Альму себе.

— Не могу её взять, — буркнул я. — Ты же знаешь, я только недавно похоронил Дыма

и дал себе слово — больше собак не заводить, слишком тяжело их терять.

Аня вздохнула:

— Ну, может, кто-нибудь другой возьмёт?

— В нашем доме вряд ли возьмут. Кто хотел иметь собаку, уже имеет... Ладно, отведу её пока к себе, чтоб она здесь не мёрзла, а с работы позвоню кое-куда, попробую найти её хозяина.

Альма с радостью вбежала со мной на второй этаж, жадно слопала миску супа, куда я порезал пару сосисок, и тут же легла посреди комнаты, уставившись на меня благодарным взглядом.

Скажу вам, ребята, вот что — нельзя брать к себе собаку ненадолго, надо или не брать, или брать навсегда. Это особенно касается животных, у которых ещё не было хозяина, ведь бездомное животное привязывается к каждому, кто его приютил. А случается — приведут домой собаку, поиграют с ней и при первых сложностях выбрасывают бедолагу на улицу. Представляете, какая это травма для животного? Как писал французский писатель Сент-Экзюпери, «Мы все в ответе за тех, кого приручили».

Естественно, я знал — стоит мне оставить Альму у себя хотя бы на день-два, как я уже не смогу от неё отказаться. Поэтому, приехав на

работу, я сразу же позвонил в «Общество защиты животных» — почти бесправную и бедную организацию, состоящую из трёх женщин, больших любительниц животных. В том «обществе» я давно был своим человеком, а после того, как заимел «Москвича», стал и «Скорой ветеринарной помощью»: отвозил по лечебницам больных собак, доставлял продукты пенсионеркам, которые держали по несколько животных, и прочее.

Кроме меня, «обществу» помогал парень-фотограф и несколько девушек: парень делал снимки дворовых собак, а девушки пристраивали снимки в районные газеты. Под фотографиями сочиняли надписи, приблизительно такие: «Жизнерадостный годовалый метис Алёша ждёт любящего хозяина». Или: «Ласковая девочка по кличке Мордашка (пять месяцев), очень надеется стать кому-то нужной. Отдадим в хорошие руки». Помимо этого, девушки записывали в тетрадь тех, кто хотел иметь собаку, но вполне определённую. Например, очень маленькую или очень красивую, с янтарными глазами, или приученную к командам. Мне повезло — в списке оказалась запись: «Женщина из Зеленограда готова взять молодую собаку, похожую на овчарку». Девушки дали мне телефон этой женщины и сказали:

— Вы только обязательно узнайте — любит ли она животных, держала ли раньше собак? И где будет держать собаку — в доме или на цепи во дворе?

Женщину звали Нина Ивановна. По телефону её голос звучал приветливо, дружелюбно. Да, она давно хотела завести собаку, она одинокая и ей нужен друг, готова прямо сейчас приехать. В общем, эта невидимая Нина Ивановна сразу располагала к себе.

Мы договорились встретиться через два часа на конечной остановке автобуса из Зеленограда, у метро «Речной вокзал». Приехав домой, я увидел — собачонка безмятежно спит на тахте; она так промёрзла за ночь, что не слышала, как я вошёл.

— Всё, Альма, поднимайся! — сказал я. — Нашёл тебе замечательную хозяйку!

Собачонка поспешно спрыгнула с тахты. Я надел ей ошейник, и мы вышли во двор. Но, когда я открыл дверь «Москвича» и подтянул Альму, она заволновалась и стала упираться. Пришлось брать её на руки и усаживать на сиденье.

Глава вторая *Улыбчивая птичница.*

Нина Ивановна оказалась круглолицей улыбчивой, её тёплый взгляд излучал доброту. Она подошла ко мне с коробкой... яиц.

— Это вам, — сказала, протягивая коробку. — Я работаю на птицеферме.

Я начал, было, отказываться от необычного подарка, но Нина Ивановна обезоружила меня простодушной улыбкой:

— Берите, берите! Яички свежие, таких в магазине не купите, специально вам везла, — и сразу удивлённо расширила глаза: — А где же Альма?

Я показал на машину, где из салона встревоженно выглядывала моя рыжая подопечная.

— Симпатичная, — улыбнулась Нина Ивановна, когда я вывел Альму и она, увидев свою новую хозяйку, вильнула хвостом и два раза негромко тявкнула.

— И вы Альме нравитесь, — пояснил я Нине Ивановне значение гавканья (я неплохо изучил собачий язык и при общении людей с собаками работаю переводчиком).

— Мы подружмся, — по-прежнему улыбаясь, сказала Нина Ивановна.

— А если не подружитесь, не сойдётесь характерами или ещё что, сразу звоните мне. Я приеду, заберу Альму, подыщу ей другого хозяина.

— Подружмся! — уверенно заявила Нина Ивановна.

— Хорошо бы, — я открыл дверь машины. — Садитесь, отвезу вас в Зеленоград.

— Нет-нет, спасибо, — покачала головой Нина Ивановна. — Меня в машине укачивает, да и соседка недавно ехала в такси и попала в аварию. На автобусе удобней и безопасней. В это время автобус полупустой, идёт всего-то сорок минут и подходит прямо к дому. Так что спасибо.

Нина Ивановна взяла поводок Альмы:

— Пошли, подруга!

Несколько секунд Альма растерянно топталась на месте, смотрела то на меня,

то на Нину Ивановну, не в силах решить, с кем ей остаться.

— Пошли, пошли, подруга, — Нина Ивановна потянула Альму за поводок и, попрощавшись со мной, заключила: — Не беспокойтесь, всё будет хорошо!

— Ну будь счастливой, девочка! — погладил я Альму на прощание.

Когда они садились в автобус, Альма обернулась и посмотрела на меня долгим и, как мне показалось, погрустневшим взглядом. Этот взгляд преследовал меня всю обратную дорогу. «Может, стоило её оставить у себя», — подумалось, но тут же я отогнал эту мысль — всех бездомных не приютишь. К тому же я никогда не держал собак-девиц и не представлял, каково с ними. Да если ещё появятся щенки, кто возьмёт беспородных?

Глава третья
***Некоторые размышления
о «гражданах собачьего племени».***

До весны я несколько раз звонил Нине Ивановне, и всегда она радостно сообщала, что живут они с Альмой дружно, по вечерам гуляют вокруг птицефермы, что Альма подросла и выглядит, «как принцесса», потому что ест «всё самое лучшее».

— Вообще живёт у меня, как сыр в масле, — заключила Нина Ивановна. — У неё райская жизнь, любая собака позавидует.

Однажды весной, когда всё блестело, сияло, сверкало, шумело и гремело, я решил съездить на дачу, чтобы «расконсервировать» её, но в основном — чтобы пройтись по лесу,

подышать свежим воздухом. Заодно я решил заехать к Нине Ивановне, посмотреть на Альму, благо, Зеленоград недалеко от нашего посёлка. О своём плане я сообщил Нине Ивановне по телефону. Неожиданно она пришла в некоторое замешательство:

— А зачем? — услышал я в трубку. — Альма уже забыла вас, к чему ей лишние волнения?

Я начал объяснять, что «Общество защиты животных» всегда следит за судьбой своих подопечных и что мне уже звонили, спрашивали об Альме (это было правдой).

— Ой, так неожиданно! Ну хорошо... — нехотя согласилась Нина Ивановна. — Только вы назовите точное время, когда приедете, а то мало ли что...

Это «мало ли что» насторожило меня.

Птицеферма находилась несколько в стороне от Зеленограда; с ней соседствовало несколько четырёхэтажных домов, в которых проживали работники фермы. В назначенный час я подъехал к дому Нины Ивановны и позвонил в квартиру. И сразу услышал лай. Нина Ивановна открыла дверь, и я увидел Альму. Она сразу узнала меня — отчаянно завиляла всем телом, запрыгала на одном месте, ещё громче залаяла. А вот я узнал её с трудом. За прошедшие три месяца она сильно подросла,

но выглядела очень худой, и в её глазах я заметил какие-то болезненные искорки. Но что особенно меня поразило — она была привязана к ручке входной двери.

— Здравсьте, проходите, пожалуйста! — проговорила Нина Ивановна с менее приветливой улыбкой, чем раньше, — чувствовалось, она не очень рада моему визиту.

Поглаживая Альму, я спросил:

— Что Альма так весь день и сидит у двери?

— Я держу её в коридоре, потому что в комнате на полу ковёр, может испачкать... И почему весь день? — обидчиво произнесла Нина Ивановна. — Я же говорила вам — утром и вечером мы с ней гуляем. И обедаем вместе, я в обед прихожу домой...

Я заглянул в пластмассовое ведро рядом с Альмой — в нём были отруби, которыми кормят поросят и коров. Стало ясно — для жителей фермы держать собаку на привязи в порядке вещей; у них собака не член семьи, а сторож.

Уезжал я в скверном настроении — жизнь Альмы оказалась далеко не райской. «Но всё-таки, — размышлял я, — она живёт в доме, в тепле, и Нина Ивановна выгуливает её и наверняка разговаривает с ней, а не только отдаёт команды. Возможно, даже Нина Ивановна любит Альму, но на свой «пти-

чий» манер, без всяких нежностей — так относятся к привычной, но не очень ценной вещи, которую если и теряют, то особенно не огорчаются. Таким людям, как Нина Ивановна, не дано понять, что у Альмы тоже есть душа и, несомненно, более чувствительная, чем у самой птичницы.

Порой не известно, что лучше для «граждан собачьего племени»: спокойная, безбедная, но однообразная жизнь, без общения с сородичами, без романтических приключений, без воспитания потомства, или свободная жизнь с постоянными поисками еды и ночлега, со многими опасностями (бездомные собаки редко живут больше трёх-четырёх лет, чаще попадают под машины или их отлавливают собаколовы).

Глава четвёртая
***Птичница показывает своё
истинное лицо. Сторож Тихон
и несчастные охранники грядок.***

Через месяц по пути на дачу я заехал к Нине Ивановне снова. Заехал без предварительного звонка, благо, было воскресенье, и я решил: если и не застану Нину Ивановну, то оставлю записку, что загляну на обратном пути.

Нина Ивановна оказалась дома, но, как только она открыла дверь, я увидел — Альмы в квартире нет. Тревожное предчувствие охватило меня.

— Понимаете... Альма у Тихона, — начала объяснять Нина Ивановна без всякой улыбки.

ки, растерянно, сбивчиво. — Тихон — бывший муж моей сестры. Он работает сторожем в дачном посёлке...

— Почему она у него?

— Так... получилось, — Нина Ивановна опустила голову.

— Как? — глухо спросил я. — Где живёт этот Тихон?

— В соседнем доме... На первом этаже. Шестая квартира.

Я повернулся и, не прощаясь, быстро направился к соседнему дому.

На звонок долго никто не выходил, но главное — не было слышно лая, и в меня вселилась тревога. Наконец послышался кашель, шарканье, и в двери появился низкорослый бородатый мужичок, явно выпивший.

— Ты Тихон? — спросил я.

Мужичок кивнул.

— А где Альма? — уже строго спросил я, предчувствуя, что разговор будет не очень приятным.

— А тебе зачем знать? — буркнул мужичок.

Пока я втолковывал ему, что являюсь представителем «Общества защиты животных» и что обязан видеть Альму, он пощипывал бороду; потом пробормотал:

— Собака где и положено ей быть. Раз надо посмотреть, пойдём покажу.

Он привёл меня на окраину птицефермы. По пути я спросил:

— И давно Альма у тебя?

— С зимы. Как свояченица привезла из города.

— Понятно, — процедил я. Мне сразу стало ясно, почему птичница просила звонить перед приездом — она приводила Альму от этого Тихона. Но зачем столько времени врал? Впрочем, ясно зачем — такому, как Тихон, Альму я не доверил бы.

Мы пришли к пустырю на склоне оврага. Там меня ждало неприятное зрелище. Вдоль оврага тянулись полуразвалившиеся сараи и крохотные огороды, огороженные досками, разными железками, проволокой. И каждый из этих клочков земли охраняли собаки. Красивые собаки — одна лучше другой, некоторые породистые сидели на цепи около будок, сколоченных из овощных ящиков. Вид у собак был унылый, подавленный, они даже не лаяли на нас. Всё понятно — просиди-ка вот так всю жизнь на цепи! Мне сразу вспомнился Сервантес: «Самое большое несчастье — несвобода».

— Что они охраняют? — спросил я у Тихона.

— Как что? Урожай! — Тихон хмыкнул и посмотрел на меня, как на полного профана в вопросах загородной жизни.

Через несколько шагов он кивнул на последний участок:

— Вон она!

Среди кустарника виднелась большая картонная коробка, покрытая фанерой; из этой «конуры» сиротливо выглядывала Альма — ещё более худая, чем месяц назад, голова понуро опущенная, взгляд тусклый, безучастный. Увидев нас, Альма обеспокоенно вскочила, хотела подбежать к загородке, но не смогла — натянулся «поводок» — двухметровая толстая верёвка. На Альме даже не было ошейника, его заменяла всё та же верёвка, завязанная на шее узлом.

— Ты что ж, не мог ей купить ошейник, нормальный поводок? — бросил я Тихону.

— А на кой он? — Тихон снова посмотрел на меня, как на профана, но уже в отношении к собакам. — Она всё время на воле, я с ней пять раз в день обхожу дачный кооператив. Вон посёлок, — он кивнул на летние домишки невдалеке. — Я там сторожем работаю.

Отодвинув «калитку» (дырявую крышку стола), я подошёл к Альме. В смятии она заскулила, стала лизать мне руки. Она так нервничала, что дрожала всем телом, в её глазах был испуг и тоска, и боль. Я нагнулся и шепнул ей в ухо:

— Потерпи, девочка, ещё немного, я заберу тебя отсюда, найду тебе нового хорошего хозяина.

— Не волнуйся, — подал голос Тихон. — Ей здесь неплохо живётся. Из столовой приношу ей кости...

Я только усмехнулся, поскольку уже твёрдо решил по возвращении в город звонить в «Общество защиты животных», брать телефоны настоящих любителей собак. Но, если бы я знал, чем всё закончится, забрал бы Альму в тот же день.

Глава пятая *Неожиданный звонок.*

Дорога на дачу пролежала через Зеленоград. При въезде в городок около Никольской церкви я увидел старого приятеля — священника и поэта Владимира Нежданова. Высокотелый, с седой бородой и внушительным животом, он был в рясе, на которой сверкал большой крест. Остановившись, я вышел из машины.

— Какими судьбами?! — проголосил Нежданов, заключая меня в объятия. — Воспользуюсь встречей, немного займу твоё драгоценное время, послушай!

Он прочитал стихотворение о дружбе, потом ещё два о чём-то возвышенном и засмеялся:

— Сам понимаешь, я, как поэт, не могу не прочесть тебе последнее. Здесь хорошо работается, здесь нет суеты. Ну а как священник, не могу не проявить к тебе сострадание — чтой-то ты такой сокрушённый? Что тебя гнетёт? Рассказывай!

Я рассказал об Альме и Тихоне.

— Знаю, знаю этого Тихона, — серьёзно сказал Нежданов. — Он сторож в дачном посёлке. Человек безнравственный, сильно пьющий, в церковь не ходит. Заблудшая душа. По слухам, он и сторож плохой. У дачников вещи пропадают, а он говорит: «Посёлок большой, за всем не уследишь. Платите дополнительно, буду вашу дачу охранять особо». Такой вот человек без совести. Ты правильно решил подыскать собачке нового хозяина, любящего, совестливого. Скажу тебе — там, на птицеферме, есть народ и похуже Тихона. Отлавливают собак, шьют из них шапки.

— Что за дикость? — возмутился я.

— Да, бездушные, злые люди. А зло сжигает человека. Их накажет Бог! Я, когда вижу такую шапку на каком-нибудь молодце, стыжу его, говорю: «А ведь эта собака была чьим-то другом». Но до них, безбожников, ничего не доходит... Ты не расстраивайся, я помолюсь за тебя, за то, чтоб ты нашёл хо-

рошего хозяина собачке. И чтобы у тебя было поменьше неприятностей и побольше хороших неожиданностей. Таких, как наша сегодняшняя встреча.

На даче я ставил трубы для печки-«буржуйки», прикручивал водопроводные шланги, но работалось плохо — как вспомню про Альму в картонной коробке и её тоскливый взгляд, всё валится из рук. В конце концов я забросил работу и поехал в город.

Дома я сразу позвонил в «Общество защиты животных» и всё рассказал про Альму. Мне обещали в ближайшие дни найти Альме нового хозяина. «За эти дни может произойти что угодно», — подумал я и стал звонить всем знакомым подряд «по системе невода» — авось кто-нибудь согласится взять Альму. Я начинал издалека:

— Хочешь совершить добрый, благородный, красивый поступок? — и дальше обстоятельно рассказывал про Альму.

Один приятель сказал:

— С удовольствием взял бы собаку, но у меня с детства аллергия на шерсть.

Другой сослался на большое семейство:

— Дети, внуки, повернуться негде, какая собака?! Да и для детей собака лишь игрушка, а вся забота о ней ляжет на меня. Так что, извини.

Третий простонал:

— Куда мне брать собаку?! У меня у самого собачья жизнь! С женой развёлся, работы нет...

Одна приятельница сообщила:

— Я взяла бы собачку, но маленькую, ди-
ванную.

Другая с усмешкой объяснила:

— Мне прежде надо найти мужа, приру-
чить его и держать на поводке, а потом уж
заводить собаку.

Словом, до полуночи я обзванивал знако-
мых, но всё без толку. А на следующий день
поздно вечером, когда я уже лёг спать, нео-
жиданно позвонила птичница:

— Приезжайте! Вам надо забрать Альму.

— Что случилось? — спросил я.

— Вам надо забрать Альму, — слышалось
в ответ, и тут же раздались короткие гудки.

«Что за странный звонок? Что могло слу-
читься?» — от этих скачущих мыслей я так
и не смог уснуть и чуть свет завёл машину
и понёсся в Зеленоград.

Глава шестая *Страшное зрелище.*

В шесть утра я въехал в посёлок птичников. На улицах не было видно ни души. Оставив машину около продовольственной лавки, на двери которой висел массивный замок, я быстро направился к «огородам».

На участках собаки негромко приветствовали меня — с одной стороны, выполняли «охранный долг», с другой — радовались моему появлению, ведь в их унылой жизни каждый новый человек событие. Лай собак напоминал эстафету: когда я подошёл к первому псу, он подавал голос, ко второму — второй и так далее. Но у последнего участка лай не раздался — Альмин участок был пустым! У картон-

ной коробки валялся обрывок верёвки. Мне стало не по себе от предчувствия чего-то страшного, внутри всё заледенело.

Обойдя участок со стороны кустов, я стал звать Альму. Внезапно послышался шелест раздвигаемой листвы, и среди веток показалась моя рыжая пленница — жалобно заскулив, прижав уши и поджав хвост, она подбежала и легла, уткнув нос в мои ботинки. По всей её шее вокруг головы зияла глубокая кровавая рана! Какой-то негодяй явно душил её проволоочной удавкой. Осматривая Альму, я ещё обнаружил у неё на правом боку гематому — следствие сильного удара.

— Кто ж тебя так, девочка? — ужаснулся я.

Альма еле слышно что-то прохрипела.

— Ничего, ничего, сейчас поедem в лечебницу, дорогая. Главное — ты нашлась и жива, — бормотал я, ощупывая грудь и лапы бедняги, хотел узнать, нет ли ещё где ушиба или перелома. К счастью, от моих прикосновений Альма не взвыла, всё ползала у моих ног, нервно дышала, скулила и то и дело опасливо оглядывалась. У неё был вид затравленного зверька.

— Пошли скорее к машине, — сказал я.

С пугливой поспешностью Альма засеменила, прижимаясь к моим ногам, боясь, что я, как в прошлый приезд, оставлю её на этом злосчастном участке.

Как только я открыл дверь машины, Альма забралась на заднее сиденье и взволнованно уставилась в окно. Похоже, она догадывалась, что мы едем туда, где вылечат её рану, но ещё больше её волновало другое — когда мы тронулись и я обернулся, она смутно улыбнулась мне, как бы говоря: — Я всё выдержу, только ты не бросай меня!

При въезде в Зеленоград я притормозил у первого же прохожего и спросил:

— Где здесь ветеринарная лечебница?

Прохожий заглянул в салон машины и, увидев рану Альмы, отшатнулся и, сглотив, пролепетал:

— Где-то в центре есть.

Вскоре мы нашли ветпункт, но он работал только с девяти часов, то есть до его открытия было больше двух часов. Между тем меня беспокоила слишком большая рана Альмы, я опасался заражения крови. Поэтому сразу же решил ехать в Истру, до которой было всего-то двадцать километров. К тому же я знал — в Истре одна из лучших в области лечебниц для животных.

Глава седьмая
Размышления на дороге.
Непредвиденное усложнение маршрута.

Дорога на Истру пролежала по холмистой местности: то опускалась в низину к оврагам или мостам через речки, то поднималась на взгорье к небольшим деревушкам с десятков домов, еле выглядывающих из-за черёмухи. В те дни, в начале июня, черёмуха цвела особенно буйно.

Я вёл машину на предельной скорости; «Москвич» работал отлично, как настоящий пожиратель километров. Изредка я поглядывал в зеркало заднего обзора на Альму. Она глубокомысленно смотрела в окно; время от времени вздрагивала, и на её мор-

даже появлялась мучительная гримаса — было ясно: рана доставляет ей тягостную боль. Я догадывался, о чём она думала, — за что с ней так жестоко поступили, ведь она со всеми была дружелюбна, всем проявляла свою симпатию? И что она плохого сделала тем, кто хотел её задушить?

Но кто душил Альму? Какой негодяй? И с какой целью? Может, собаколовы? Или кто-то хотел убить её на шапку?! И было неясно, как ей, бедняге, удалось вырваться из петли? Я представил, как она убежала от изверга, пряталась где-то в овраге, а ночью вернулась на свой сторожевой пост... Видимо, наутро кто-то увидел её, израненную, и сообщил птичнице, а она позвонила мне — возможно, чтобы искупить свою вину.

Я так и не узнал, что произошло с Альмой. Звонить птичнице не стал, было противно слышать её голос. К тому же она могла и соврать, придумать какой-нибудь «несчастный случай», ведь человек, который обманул однажды, может обмануть и ещё раз.

Я подумал о том, что во всех цивилизованных странах есть закон об ответственности за жестокое обращение с животными. У нас этот закон тоже приняли, но он совершенно не выполняется. Недавно соседка рассказала мне:

— Парень на иномарке хотел задавить дворняжку. Собака перебежала улицу и уже почти прыгнула на тротуар, а он свернул на неё и задел. К счастью, не сильно. Собака завизжала, но, прихрамывая, убежала. Парень остановился, вышел из машины и швырнул вслед собаке бутылку. Я ему крикнула: «Что ж ты, гад, делаешь?!» А он: «Так ведь помочная дворняга! Только заразу разносит!»

Однажды и по телевидению рассказали о собаке, которую в вестибюле метро избил один охранник. А пёс был тихим скромнягой, любимцем продавщиц подземных киосков, они его подкармливали. И милиционеры его любили. «Он нам помогает выявлять пьяных, — говорили. — Как учует пьяного, тихонько гавкнет». Когда прохожие отогнали охранника, пёс ещё был жив, пытался подняться, но лапы не держали, и он падал на бок. Ветеринарам не удалось спасти собаку, и свидетели происшествия были уверены: охранника посадят хотя бы на год, но суд вынес всего лишь предупреждение.

Но иногда бывает и по-другому. Зимой в мороз бездомные собаки спят в вестибюлях метро. Их пускают погреться... Однажды я был свидетелем, как в вагоне метро на сиденье спал пёс. Весь замызганный, в шрамах. Был час пик, в вагоне полно народа, но

никто не прогнал его. Люди стояли над ним, сочувственно улыбались. «Измучился мотаться по городу бедный», — сказала одна женщина.

Рассуждая обо всём этом, я вдруг заметил впереди дорожную пробку — несколько машин стояли впритык друг к другу. Остановившись за ними, я пошёл узнать, в чём дело. Оказалось, какой-то безумный водитель грузовика, перевозивший ящики с пивом, слишком разогнался и не справился с управлением — его машина перевернулась, перегородив проезжую часть. А весь пивной груз вывалился на асфальт — сотня метров была усыпана битым стеклом, в котором играли солнечные блики.

— Убыток-то какой! Какой убыток! — растерянно бормотал шофёр грузовика.

Чуть в стороне стояли водители и пассажиры легковушек, их к месту аварии не подпускал инспектор дорожно-постовой службы — проще говоря, «гаишник». Размахивая жезлом, он строго покрикивал:

— Проезд закрыт!.. Наберитесь терпения!.. Приедет кран, поднимет грузовик... Приедет уборочная машина, очистит полотно...

Я подошёл к инспектору, объяснил, что у меня в машине раненая собака и ей срочно нужна операция.

— Всё понял, не надо лишних слов. Значит так: вон там есть просёлок, сделаете петлю, но в Истру попадёте, — он показал на кусты, меж которых петляла просёлочная дорога.

По этому объездному просёлку, подпрыгивая на ухабах, мы миновали кустарник, затем осиновый перелесок и въехали в смешанный лес со множеством луж на дороге. В лесу пришлось покрутиться — дорога постоянно вытворяла крутые зигзаги, по кузову хлестали ветки деревьев, но, к счастью, на дороге не было завалов и лужи оказались нетопкими. Короче, через час мы въехали в Истру.

Глава восьмая
***Доброе сердце и золотые руки
Алексея Неведова. Я становлюсь
ассистентом хирурга.***

С угрюмой покорностью Альма вошла вслед за мной в ветеринарную лечебницу. Она чувствовала, что ей предстоит серьёзная операция, но полностью доверяла мне, знала — я ничего плохого ей не сделаю.

В приёмной за столом пожилая женщина что-то записывала в журнал; увидев Альму, покачала головой:

— Подождите минутку, сейчас врач Алексей Неведов освободится.

Вскоре из комнаты с надписью «Операционная» вышла девчонка с кошкой на ру-

ках. За ней показался светловолосый парень в белом халате.

— Вот, Алексей, тебе тяжёлая больная, — сказала ему женщина, кивнув на Альму.

— Кто ж это её так? — обратился Алексей ко мне.

— Какие-то негодяи. Может, собаколовы, может, хотели сшить шапку, ведь у неё красивая рыжая шерсть, — дальше я коротко рассказал о нелёгкой судьбе Альмы.

— Да, барышня красивая, — вздохнул Алексей и, осмотрев Альму, добавил: — Такое впечатление, что её не только душили, но и били чем попало, что было под рукой. Ладно, попробуем зашить, но вы должны мне помочь, хорошо?

Не раздумывая, я согласился.

Алексей сделал Альме укол, а мне сказал:

— Как только наркоз начнёт действовать, положите её на стол и разведите марганцовку, — он показал на раковину, где стояла трёхлитровая банка и пузырёк с кристаллическим порошком.

Когда Альма уснула, Алексей стал выстигать шерсть вокруг её раны, а я смывал шерстинки марганцовкой.

— Лейте больше, не жалейте марганцовки, — то и дело повторял Алексей.

Потом он через каждые два-три сантиметра сшивал края раны, а я обрезал нитки и завязывал их узлами. Как ни странно, всё это я проделывал довольно спокойно и умело, меня даже похвалил Алексей.

За свою жизнь я насмотрелся всякого и не раз перевязывал раны, делал уколы и прочее. К тому же, когда речь идёт о жизни и смерти, у нас появляются недюжинные силы и отвага, и мы делаем то, что в обычной обстановке никогда бы не сделали.

Самым сложным местом оказалась глубокая рана на горле Альмы. Там Алексей вначале сшивал подкожную ткань, сшивал тонкой жилкой, а мне пояснял:

— Эта жилка называется кетгут, она внутри рассасывается. Сейчас ещё стянем кожу двумя швами и между ними вставим резиновую трубочку — катетер, на случай воспаления.

Операция закончилась. Можно сказать, мы заново пришили Альме голову. Конечно, это преувеличение, но внешне всё именно так и выглядело. Я нарочно подробно рассказал об операции, поскольку она была первой по своей сложности в моей жизни. Позднее я ещё несколько раз зашивал собакам раны.

Альма уже стала приходить в себя. Алексей сделал ей укол антибиотика и протянул мне мазь:

— Намажьте нашу работу. И дома мажьте. Перевязывать не надо, так быстрее заживёт. Через три-четыре дня привозите собачку, посмотрим, как идут дела. Она молодая, всё должно быть нормально. Тогда снимем швы. Шерсть отрастёт, и шрам не будет виден.

От денег Алексей отказался наотрез.

— Я работаю не ради денег, — сказал. — Я люблю животных. Особенно собак. И люблю свою работу.

Альма ещё окончательно не отошла от наркоза и была очень слаба, поэтому я отнёс её к машине и положил на заднее сиденье, а сам вернулся в приёмную. Дежурная записала нас с Альмой в журнал и пожелала скорейшего выздоровления.

Когда я вновь подошёл к машине, Альма уже выглядывала в окно и виляла хвостом. Взгляд у неё уже был вполне осмысленным.

— Всё, дорогая, кончились твои мучения. Больше тебя никому не отдам, — сказал я, отъезжая от лечебницы.

Альма в ответ потянулась ко мне и благодарно лизнула в щёку.

Так спустя четыре месяца Альма снова оказалась у меня. На этот раз навсегда.

Глава девятая

На даче.

Я решил, пока Альма не поправится полностью, обосноваться на даче. Во-первых, участок находился всего в семнадцати километрах от Истры, куда Альму предстояло возить. Во-вторых, началось лето, и жить на природе для больной собаки было как нельзя кстати.

Участок Альме понравился. Да и как он может не понравиться — целых шесть соток, гуляй сколько хочешь! И никаких грядок, которые надо охранять. И не колючий кустарник, а высокие берёзы и ели. И не изгородь из досок, а сетка-рабица — прекрасный обзор на все четыре стороны! Ну и, конечно,

отличное жилище: не картонная коробка, а брусовой дом (немного аляповатый наш с братом самострой), но с мансардой и печкой-«буржуйкой», да в придачу сарай-мастерская с душем — и всё это в полном распоряжении Альмы.

Но главное — звуки и запахи. На птицеферме не смолкал гул с Ленинградского шоссе, по ночам тоскливо выли соседи — сторожа «огородов», а на участке стрекотали кузнечики, в дренажной канаве устраивали концерты лягушки, на крыше дома хлопотали сороки, из леса доносилось кукование, а по ночам в ветвях берёз пели соловьи.

На участке мы с братом цветы не сажали (некоторые полевые росли сами по себе), зато у нас было три вишни и несколько кустов сирени и жасмина, и все они цвели — представляете, какой аромат стоял в воздухе?! Плюс к этому запах хвои и смолы, которая, как янтарь, блестела на стволах елей. Ну а с нашим приездом в воздухе появились самые приятные для Альмы запахи — гречневой каши с мясом — то, чего она, конечно же, до сих пор даже не пробовала.

Альма изучала участок осторожно, аккуратно, обходя каждую кочку, каждый цветочек; всё незнакомое — «козлы» для пилки дров, бочку с водой, садовый и плотницкий

инструмент — подолгу рассматривала, обнюхивала.

Дом Альме тоже понравился. Вначале она робко прошлась по кухне и комнате, но, как только мы пообедали, сразу повеселела, даже забралась в кресло, чтобы рассмотреть вид из окна, а потом повернулась ко мне и хрипло выдохнула: — Как на картинке!

В общем, чем больше Альма осваивалась на участке и в доме, тем радостней светились её глаза. Но несколько раз я замечал, что она сидит где-нибудь в тени и задумчиво смотрит в одну точку. Я подходил, гладил её:

— Ну что ты, девочка, пригорюнилась?

Альма смущённо утыкалась носом в мои колени, но тут же вскидывала голову, испытующе заглядывала мне в глаза и тревожно вопрошала: — Ты больше не отвезёшь меня на птицеферму?

Я успокаивал её и, чтобы отвлечь от мрачных мыслей, звал на кухню поесть чего-нибудь вкусенького.

Несмотря на удачную операцию, шов Альмы вызывал у меня беспокойство, ведь она могла задеть какую-нибудь ветку и порвать нитки или почесать заживающую рану. Чтобы этого не произошло, я сделал ей

«воротник» и «фартук» из жёлтой клеёнки, специально под цвет её шерсти. Как ни странно, она спокойно отнеслась к новому одеянию, а посмотрев на себя в зеркало, пришла к выводу, что и «воротник» и «фартук» ей вполне к лицу. Во всяком случае, когда через пару дней я предложил ей прогуляться по улице, она охотно согласилась.

Глава десятая
Вова, Мишка, Гришка и другие.

Посёлок уже заполнялся дачниками, но первый, кого мы встретили, был мордатый пёс Вова, по прозвищу Здоровяк. Вова действительно выглядел внушительно: квадратная голова, густая жёсткая шерсть, мощные лапы. Он приходил в посёлок из соседней деревни Алёхново, медленно вышагивал по улицам, заглядывал на участки — авось что-нибудь дадут перекусить. Ему выносили — кто котлету, кто печенье. Иногда Вова и ночевал в посёлке, у кого-нибудь под террасой. Поселковые собаки (большой частью породистые горожане) Вову боялись и уважали, но некоторые всё же облаивали. Вова на со-

бак не обращал никакого внимания, он был в возрасте, имел немалый жизненный опыт и, похоже, считал, что в жизни вообще надо поменьше полыхать и суетиться.

Заметив Вову, Альма поджала хвост и прижалась к моим ногам. Вова только мельком взглянул на неё и прошлёпал мимо — вот ещё какая-то пигалица появилась! Хвастается модным нарядом!

Говорили, что в деревне Вова обитает у клуба и прославился тем, что весной на водохранилище вытащил из полыньи тонущего мальчишку, но сильно простудился, и у него на левом глазу появилось бельмо. Говорили также, что, несмотря на «инвалидность», Вова теперь часто сидит на берегу водохранилища — хочет ещё кого-нибудь спасти.

Разные глаза придавали Вове выражение какого-то простодушия. Собственно, таким он и был: бесхитростным, спокойным, с покладистым характером.

Как только Вова удалился, к нам подбежали мои приятели, первоклассники Мишка и Гришка.

Мишка с бабушкой жили в Истре, а в посёлке они снимали небольшой щитовой дом. Гришкина семья («коренные москвичи», по выражению Гришкиной матери) имела кирпичную дачу, одну из лучших на нашей улице.

Так вот мальчишки подбежали к нам и засыпали меня вопросами (увидев Альму, они были так поражены, что забыли поздороваться со мной, хотя мы не виделись с прошлого года):

— Дядь Лёнь, чья собака? Что с ней? Как её зовут?

Я ответил на все вопросы и заключил:

— Думаю, вы с Альмой подружитесь. Она будет для вас младшей сестрёнкой, ей всего полгода.

— Она ещё должна ходить в детский сад, играть в куклы, — засмеялся Мишка.

— Не в куклы, а в резиновые собачки, — уточнил Гришка, засовывая в рот жвачку (он постоянно жевал эти дурацкие резинки).

Однажды я сказал Гришке:

— Учти, если проглотишь жвачку, будет болеть желудок.

— А если жвачка приклеится к сердцу, то умрёшь, — добавил Мишка.

Подобная участь не напугала Гришку, он продолжал жевать. В тот день Гришка решил удивить нас с Альмой трюком: раскрыл рот и сквозь зубы растянул жвачку в длинную нить. Альма тут же спряталась за меня — понятно, я был для неё не только спасителем и лечащим врачом, но и телохранителем.

— Собакам нельзя показывать зубы, правда, дядь Лёнь? — сказал Мишка.

— Правда. Для них это означает угрозу. Альма много пережила и теперь всех боится. Так что, если будете её пугать, нашей дружбе конец, поняли?

Мишка кивнул, а Гришка поспешно вынул изо рта жвачку, отбросил к забору и, чтобы сгладить свой промах, заявил:

— А мы с Мишкой построили прикольный дворец из глины. Пойдёмте в конец улицы, покажем.

Мальчишки привели нас с Альмой к месту, где улица упиралась в лес. Там, в тени у дренажной канавы, даже в жару пахло сыростью, а на краю канавы глина оставалась ярко-жёлтой и мягкой. Дворец впечатлял. Во-первых, он был высотой с ребят. Во-вторых, башни и стены были с бойницами, из которых торчали прутья-«пушки». Разумеется, я похвалил мальчишек. Альма тоже подала слабый голос: — Чу-удесный! — и, любуясь дворцом, обошла его два раза.

— Только жалко, когда пойдёт дождь, всё размочит, — вздохнул Гришка.

— Зато, пока нет дождя, все будут смотреть и радоваться, — сказал Мишка. — А когда его размочит, будут помнить о нём.

— Несомненно. Он останется в душе тех, кто его видел, — поддержал я Мишку, подивившись поэтическому взгляду мальчугана.

— Дядь Лёнь, пойдёте, покажем Альме наше озеро, — предложил Гришка (он имел в виду пожарный водоём).

— В следующий раз. На сегодня ей впечатлений хватит. Не забывайте, она перенесла тяжёлую операцию и ещё очень слаба.

На обратном пути мы с Альмой встретили бухгалтершу посёлка. Не успел я представить их с Альмой друг другу, как бухгалтерша всплеснула руками и сразу, с ходу, выдала стишок:

*Кто оранжевый такой?
Шерсть, как шёлк, на ней лоснится,
Хвост пушистый и большой
Прям на зависть всем лисицам.*

— Да вы, оказывается, поэтесса! — удивился я.

— Что вы! Никогда не писала стихов, — пожала плечами бухгалтерша. — Как-то само собой вышло. Альма сподвигла, — она погладила мою подружку.

От такого внимания к себе Альма смутилась и скромно отошла в сторону. С того дня при каждой встрече бухгалтерша читала мне

новый стишок про Альму и в конце концов сочинила целую поэму — её даже напечатали в каком-то журнале.

А потом вдруг и сторож посёлка отличился. Он никогда не держал карандаша в руке, но после знакомства с Альмой сразу нарисовал её портрет. И очень неплохо. Я понял, что от Альмы исходит определённая энергия, которая побуждает людей к творчеству. Тогда я ещё не знал, что в самой Альме заложены огромные творческие способности.

Что меня огорчало, так это боязнь Альмы темноты. С наступлением сумерек она начинала пугливо озиаться по сторонам, прислушиваться к звукам. Я понимал, что темнота возвращает её в тот страшный вечер, когда на неё напал душегуб. Я представлял, как она пыталась освободиться из железной петли, как всё же это ей удалось, как потом скрывалась в овраге; представлял, какую боль она испытала, что пережила в ту ночь. Я снова успокаивал её: обнимал, гладил, объяснял, что на участке её никто не обидит, что теперь у неё есть защитник. Альма слушала меня, вздыхала, прижималась ко мне и... успокаивалась.

Укладываясь спать, я твёрдо решил никому не позволять не только поднимать на Альму руку — это само собой, — но даже по-

вышать на неё голос. К тому, кто много пережил, кого много обижали, надо относиться бережно, ведь физические раны заживают, а вот душевные иногда остаются на всю жизнь.

Спали мы с Альмой на одной тахте, и опять во сне она вздрагивала и стонала, а то и отбивалась от кого-то. И вновь я успокаивал её как мог, но знал — душевную травму вылечит только моя забота о ней. Успокоившись и облегчённо вздохнув, Альма уже засыпала безмятежно, но начинала храпеть. Она была юной, нежной и ласковой, но у неё болело горло, и она храпела, как старый волкодав.

Глава одиннадцатая
Знакомство Альмы с моим братом.
Второй приезд в лечебницу.

Ещё из Истры я позвонил брату и рассказал про Альму. На следующее утро он приехал на «Оке». Альме понравилась его маленькая машинёшка — она рассматривала её со всех сторон, причмокивала языком, а вот брата вначале встретила с опаской.

Дело в том, что брат носил бороду и мог ей напоминать Тихона, хотя, понятно, кроме растительности на лице, ни внешне, ни внутренне у них ничего общего не было. Да и бороды были разные: у Тихона — хилая и жёлтая от курева, похожая на мочалку, а у брата — маленькая, ровная, бархатистая,

как плюш. Но главное, Тихон выглядел попросту дремучим лешим, а брат, как и подобает артистической личности, был человеком немислимого любвеобилия, готовым обнять весь мир. Короче, Альма быстро сообразила, что бородачи бывают разные, точнее — почувствовала любвеобилие брата. А заметив наши с ним тёплые отношения, поняла, что брат будет её надёжным другом.

— Красивая собачонка, рыжая красотка, — приговаривал брат, поглаживая Альму, и, обращаясь к ней, добавлял: — Ну, дорогая, теперь у тебя начнётся отличная жизнь. Будем считать, что тебе выпал счастливый лотерейный билет.

— Красивая, — соглашался я, — но Альма — слишком обычная кличка. Может, назвать её как-нибудь более звучно?

— Ничего не обычная, — возразил брат. — Альма по-испански «душа». Наверняка она душевная, ласковая.

— Пока ещё дикарка, — сказал я. — К новым людям относится настороженно. Понятно, столько просидела на привязи. Тебе повезло, тебя сразу приняла за своего.

— Ничего, оттаяет, — уверенно заявил брат. — Хорошее отношение от всего вылечивает.

Мы втроем пообедали, прошлись по улице до леса, по пути раскланивались с дачниками, объясняли, что Альма — новый член нашей семьи. На вопросы о её странном наряде отшучивались:

— Это — последний писк моды.

К вечеру брат поехал в Москву; отъезжая, он посигналил нам красными тормозными огоньками, в ответ Альма помахала ему лапой.

Прошло два дня. Всё это время я мазал рану Альмы лекарством и кормил по четыре раза в день, кормил самым лучшим, что купил в Истре. В еду добавлял витамины. Аппетит у Альмы был отменный, и прямо на глазах она набирала вес. Наевшись, она ложилась на веранде и с любопытством обозревала улицу. Что я заметил — она лежала как-то женственно, принимая необычные позы: передние лапы в одну сторону, задние — в другую. Она была гибкая, как гимнастка.

Альма, вообще, отличалась от всех собак, которых я знал. Например, стеснялась при людях ходить в туалет — убегала за сарай и, прежде чем присесть, раза два выглядывала из-за угла — не подсматривает ли кто? Такая оказалась застенчивая барышня. И целомудренная — она не переносила бранных

слов, сразу морщилась и отводила глаза в сторону. И не любила запах алкоголя и табачного дыма. Наверняка всё это напоминало ей Тихона. Для меня Альма делала исключение — тактично не замечала мои недостатки и дурные привычки, для неё я был воплощением всего самого лучшего в людях.

По утрам Альма умывалась — протирала лапами глаза и нос, а прежде чем выйти на улицу, непременно посматривала на себя в зеркало — хорошо ли выглядит, нет ли на ней пушинок, соринок? Такой оказалась чистюлей.

Несмотря на то, что я постоянно мазал шею Альмы лекарством, в нескольких местах рана всё же не затягивалась. На третий день мы поехали в Истру.

Врач Алексей Неведов был занят; как мне объяснили в приёмной, — занимался индюком, который умудрился проглотить чайную ложку. Я решил подождать во дворе, и мы с Альмой направились к лавке под тополем. Не успели присесть в теньке, как у автобазы, соседствующей с клиникой, появились две дворняжки, два кобелька — рыжий и чёрный, оба по виду задиристые. Увидев Альму, они недовольно забурчали и принялись обозначать свою территорию. Было ясно, эти хвостатые контролируют всё дворовое простран-

ство, а для развлечения облаивают животных, которых привозят в лечебницу, всем дают понять, что любому намнут бока.

Альма на всякий случай спряталась за меня, но рыжий с чёрным подошли к нам сзади и, уставившись на Альмины «воротник» и «фартук», изображали презрительные гримасы — тоже нам фифа! Как и Вова в посёлке, они приняли клеёнку за пижонское украшение.

Вскоре из лечебницы вышла высокая худая женщина, за ней на поводке, переваливаясь, шлёпал индюк.

— Врач освободился, заходите, — обратилась женщина ко мне и дёрнула поводок: — Пойдём быстрее, Серёжа!

Глава двенадцатая
Рассказ ветеринара.

Алексей Неведов встретил нас приветливо — мне пожал руку, Альму погладил:

— Здравствуй, Альма, красавица! Как наше самочувствие? Давай посмотрим, как заживает рана.

На этот раз нам предстояло наложить только четыре шва и, понятно, вторая операция закончилась гораздо быстрее. После операции, как и в первый раз, я отнёс Альму на заднее сиденье машины, и, пока она отходила от наркоза, мы с Алексеем присели на лавку под тополем и разговорились.

Он жил с матерью в центре Истры, собирался жениться на девушке, которая любит

животных и тихую музыку, планировал поступить в ветеринарную академию.

— Завидую вам, Алексей, — сказал я. — У вас такая благородная профессия. Как вы стали ветеринаром?

— Я с детства люблю животных, — начал Алексей. — Когда-то мальчишкой просто так, чтобы проверить свою меткость, подстрелил из рогатки воробья, подбежал, а тот барахтается в пыли, пытается встать на тонкие лапки, клюв в крови, а маленькие испуганные глаза смотрят на меня и просят о помощи. Долго я стоял над птихой, пока серый комок не затих. «И зачем я убил его? — подумал. — Летал он, чирикал, ловил букашек, а я взял и пульнул голыш ему в голову. А может, его ждут птенцы?..» В тот день в моей душе и произошёл переворот, обозначивший судьбу. Подростком я сделал открытие: большинство животных в минуты опасности ищут у человека защиты. Однажды я сидел на берегу Пахры у костра. Вдруг сквозь дым пронеслась маленькая птица и упала прямо мне под ноги. А над костром пронёсся сокол. Хищник вроде улетел, а пичуга всё сидит у моих ног. Но тут я заметил, что сокол притаился в ветвях соседнего дерева. Получилось, птица спасалась около меня...

Помолчав, Алексей продолжил:

— В другой раз я шёл на лыжах по лесу и вдруг слышу за спиной шорох, похрустывание снега. Обернулся — за мной прыгает зайчонок. Подошёл к нему, а он и не думает убежать, припал к лыжне. Я осмотрелся и увидел в стороне, между кустами крадётся лисица...

Алексей посмотрел на меня, улыбнулся:

— Вот вам и несмышлёныш! Ну поднял я перепуганного зайчонка, спрятал за пазуху... А потом был случай. Осенью мы с отцом ездили за грибами. Набрали корзины, сели на опушке леса недалеко от платформы, ждём электричку. Неожиданно в кустарнике послышался треск, тяжёлое дыхание, и на опушку вышла лосиха. Подошла к нам вплотную, замотала головой. Потом снова ушла в кустарник и снова вернулась. «Там что-то стряслось», — сказал отец. Мы пошли за лосихой и увидели лосёнка, застрявшего между берёзками. Он перебирал ногами, но вылезти не мог. Отец отогнул деревья, лосёнок поднатужился и вылез. А лосиха всё это время стояла рядом, ждала, пока мы освободим её телёнка.

Алексей вновь улыбнулся, повёл в воздухе рукой.

— Повзрослев, я подумал: «А может, неспроста судьба посылает мне животных? Может, неспроста человек изначально ока-

зывается в той части мироздания, которая больше всего соответствует его наклонностям? Может, в этом есть намёк на предназначение»? Вот и пошёл я учиться на ветеринара, — Алексей засмеялся.

— Мне тоже в детстве судьба послала намёк, — проронил я. — Помню, поехал к приятелю на дачу и по пути нашёл ежа. Недалеко от дома приятеля, прямо на тропе. «Ещё раздавит какой-нибудь велосипедист», — подумал и отнёс ежа в кусты. Но через некоторое время, возвращаясь с дачи, снова увидел ежа на том же самом месте. Пригляделся, а у него на боку ранка. Ну я понял — он выполз на дорогу неспроста. Принёс ежа на дачу, мы с приятелем присыпали его ранку стрептоцидом. Ёжик посмотрел на меня, почмокал — вроде сказал: «Становись ветеринаром». Но я, к сожалению, не стал.

— Ещё не поздно, — сказал Алексей вставая.

На прощание я подарил ему свою книжку с благодарностью от всех животных.

Глава тринадцатая
Новая встреча с Неждановым.

Мы с Альмой почти выехали из Истры, как вдруг я увидел велосипедиста в рясе, с большой бородищей. Это был священник-поэт Владимир Нежданов. После наших объятий, как и в прошлый раз, Нежданов начал, было, читать своё последнее стихотворение, но, заметив в машине Альму, осёкся.

— О-о! Это не та ли собачка?.. Молоденькая, красивая!

Я рассказал про операции, которые Альма перенесла. Пока рассказывал, моя подружка, высунувшись из машины, смотрела на священника-поэта, смотрела

удивлённо, поскольку видела очередного бородача. Но, если у Тихона была хилая растительность, а у брата аккуратная «интеллигентная» бородка, то у Нежданова — большая седая борода «лопатой» и вся в завитках, как серпантин. Насмотревшись на такое чудо, Альма повернулась в мою сторону и протянула: — Замолви священнику обо мне словечко!

— Слушай, Володя, — спохватился я. — Ты ведь знаешь, я атеист, но ради Альмы, на всякий случай... Ты не мог бы помолиться за неё? Чтобы побыстрее зажила её рана. За собаку можно молиться?

— Конечно, можно. Есть святые Власий и Герасим Иорданский, покровительствующие животным. Наш предыдущий патриарх, Святейший Алексей Второй, у себя в Переделкине подбирал всех собак и кошек, держал их при церкви. И не волнуйся, обязательно помолюсь! А пока послушай стихотворение.

Когда он закончил читать, я сказал:

— Счастливый ты, служишь сразу и Христу, и Аполлону.

— Счастливый, но иногда такая горечь берёт, — вздохнул Нежданов. — Много ещё заблудших душ. Некоторые нарушают все десять заповедей.

Мы расстались так же тепло, как и встретились. Поворачивая в сторону участка, я приободрил Альму:

— Ну теперь всё будет хорошо, Бог поможет тебе. Вернее, я помогу с его помощью.

Глава четырнадцатая

Наши игры.

Дачный участок для меня настоящий оздоровительный оазис. Во-первых, на даче я просыпаюсь не от шума машин, а от пения птиц. Во-вторых, там я не засиживаюсь за столом над своими писаниями, не залёживаюсь на тахте перед телевизором, как в городе, там я занимаюсь физическим трудом. А что может быть лучше, чем поднимать завалившийся забор, чинить протекающую крышу, пилить и колоть дрова — и всё под солнцем, под гомон птиц. Не случайно в городе у меня постоянно что-нибудь болит, а там, на свежем воздухе, я забываю, где какие органы, и под вечер всегда испытываю радость от проделанной

работы. Конечно, и усталость испытываю, но это приятная усталость, в отличие от усталости в городе, когда после работы за столом раскалывается голова.

Ну а для Альмы, как я уже говорил, мой загородный клочок земли представлялся целой страной. В самом деле, на небольшом пространстве множество разнообразной зелени, полно запахов, повсюду шелест, шуршание, писк. То ёжик протиснется сквозь травы, то мышь прошмыгнёт под сарай, то лягушка плюхнется в дренажную канаву, то белка проскачет по ветвям ели, то шмель с жужжанием выпишет пируэт в воздухе. И у каждого существа своя норка, гнездо — иногда лишь несколько прутьев, пучков травы, но каждому своё жилище кажется лучшим на свете.

Конечно, у всех животных есть свои друзья и враги, свои горести и радости. В посёлке я не раз видел, как ворона таскает птенцов из гнезда трясогузки, как маленькие птицы летят за большой вороной, отчаянно пищат, нападают на хищницу, пытаются отнять своего птенца... Видел, как ёжик, взъерошив иголки, фыркал на гадюку, которая хотела схватить лягушонка... И видел, как пёс Вова отогнал кошку от задремавшей на солнце ящерицы. Оказалось, этот доблестный Вова способен спасти не только тону-

щего мальчишку, но и всех, кому грозит опасность. Бесспорно, у Вовы врождённое чувство ответственности за всё живое на земле, он благороднейший из всех собак.

Забегая вперёд, скажу — Альма долгое время побаивалась Вову, уж очень серьёзным он был и слишком большим. Несколько раз, когда Вова появлялся на улице, Альма осторожно подходила к калитке, принималась и приветливо виляла хвостом, но Вова не обращал на неё ровным счётом никакого внимания — будто она не живая собака, а тряпичная, набитая опилками. Вова оценил Альму только на следующее лето, когда Альма из девчонки превратилась в девушку. Но об этой романтической истории позднее, а пока нам с Альмой предстоял восстановительный период — некий санаторный режим в царстве зелени на участке.

Чтобы отвлечь Альму от всего пережитого, я первым делом разыскал в сарае большого плюшевого медведя — любимца моей внучки, которая к этому времени уже училась в седьмом классе и занималась танцами. Альма сразу полюбила медведя — похоже, приняла его за старшего брата, ведь он был выше её ростом и толще в два раза. Она притаскивала медведю еду, обнимала и целовала его, и что-то шептала ему в ухо.

Потом я попросил Мишку с Гришкой сбегать в деревенский магазин, купить резиновый мяч, после чего мы ежедневно играли на участке в футбол. Первое время Альма без особого интереса относилась к этой шумной игре, тем более что Мишка с Гришкой, гоня мяч, орали изо всех сил, но постепенно Альма всё азартней включалась в игру. Главное — она почувствовала, что ребята добрые мальчуганы и к ней относятся хорошо.

Во время игры ребята нахваливали Альму:

— Альма так прикольно бегают, прям не знаю! — восклицал Мишка.

— С ней наперегонки лучше не бегать, всё равно не догонишь! — вторил ему Гришка.

Бывало, и мне доставались комплименты:

— Ты, дядь Лёнь, старый, но шустрый, — говорил Мишка.

— И прикольно бьёшь по мячу. Ты был продвинутым футболистом? — подавал голос Гришка.

— Почему был? — откликался я. — И сейчас играю. Я чемпион мира среди дедушек и бабушек.

— А как называется ваша команда?

— «Вперёд, старикашки!» Вы же знаете, после шестидесяти лет человек снова начинает молодеть. Разглаживаются

морщины, мышцы становятся, как камень. Вон у меня волосы на лысине стали расти.

Ребята смеялись, никак не могли понять — шучу я или говорю серьезно.

Долго в футбол мы не играли. Как только Мишка с Гришкой входили в раж и начинали ссориться, Альма поджимала хвост и деликатно отходила в сторону. У неё была тонкая душа, она избегала всяких ссор и вообще предпочитала более спокойные игры. Например, прятки. В этой игре она проявляла недюжинную смекалку и даже некоторое хитрованство. Случалось, я «вожу» — считаю до десяти, прислонившись к дереву, а Мишка с Гришкой и Альма прячутся. Ребята убегут за сарай или залезут под террасу, а Альма спрячется за бочку, только хвост виднеется. Я прохожу мимо, делаю вид, что никого не нахожу. «Где же Альма?» — спрашиваю. А она сзади подбегает и гавкает со счастливым выражением на мордахе, довольная, что удачно спряталась от меня. Потом и ребята подбегают, тоже радуются, что ловко меня облапошили.

— Сдаюсь! — говорю им. — Мне вас никогда не найти, вы прячетесь, как настоящие разведчики. Пойду готовить обед, а вы поиграйте втроём.

Я колготился на кухне или делал ещё что-нибудь по хозяйству, ребята играли с Альмой, но то и дело подбегали ко мне.

— Альма такая озорная! Такая игрунья! — восклицал Мишка.

— Куда ни спрячемся, всё равно находит. Круто! — пояснял Гришка.

— Она находит людей по запаху, правда, дядь Лёнь? — обращался ко мне Мишка.

Я подтверждал его слова, смотрел на «озорную игруню» и думал: «Надо же, пойдёшь к собаке, погладишь — и ты уже для неё хороший человек, а если ещё покормишь и поиграешь ней — замечательный. По большому счёту, для собачьего счастья нужно совсем немного — всего-то, чтобы тебя кто-нибудь любил. Кстати, для счастья человека нужно то же самое.

Глава пятнадцатая *«Собачья школа».*

Игры играми, но я понимал, что главное — дать Альме хорошее образование. С этой целью каждое утро, после завтрака и зарядки (легкой пробежки до леса), я садился на крыльцо террасы, Альма усаживалась на траву напротив меня и мы начинали занятия на открытом воздухе.

Я учил Альму разным командам — показывал мелкие вещи и просил её принести их, учил писать лапой на песке буквы и считать до семи. Например, говорил: «два плюс три будет пять» и по-собачьи лаял пять раз. Альма внимательно меня выслушивала, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, потом

гавкала пять раз. У неё был исключительный слух, необыкновенная зрительная память и потрясающая сообразительность — она всё схватывала на лету. Короче, Альма оказалась способной ученицей. Даже «способной» — не то слово, слишком маловыразительное для такой собаки. Сногшибательно одарённой! — вот подходящие слова для неё.

Понятно, успехи Альмы я не оставил без внимания и спустя несколько дней расширил образовательную программу, ввёл урок музыки и танца: выносил на террасу проигрыватель с пластинками, и мы с Альмой разучивали всякие «па». Сразу скажу, в танцах Альма проявила не просто одарённость, а самый настоящий талант — врождённую музыкальность, чувство ритма, пластичность. Она танцевала на задних лапах, а передние раскачивала в такт музыке; танцевала, как профессиональная танцовщица, — спина прямая, голова откинута назад — и при этом улыбалась, высунув язык. Танцы доставляли ей невероятную радость. Через неделю мы уже свободно исполняли вальс и танго.

Ну и, само собой, у нас были уроки труда. Как же без них, если физический труд вылечивает от всех болезней. На уроке труда я пилил и колол дрова, Альма относила поленья под навес у сарая. Или я выкатывал из

сарая тачку с баком, и мы резвым аллюром направлялись к водонапорной башне, а набрав воды, уже медленно, восстанавливая дыхание, возвращались на участок.

Однажды во время урока по математике я заметил у изгороди дачницу с соседней улицы, рядом стояла её собака — коричневый дог. И женщина, и пёс со жгучим интересом наблюдали за нашими занятиями.

— Присоединяйтесь! — махнул я им рукой. — Лишние занятия не помешают.

— У меня совсем нет времени, — вздохнула дачница. — Меня ждут парники, грядки, а вот Эдик... Если он не будет для вас обузой... Он с удовольствием ходил бы на ваши занятия, правда, моя радость? — она обратилась к догу.

Пёс кивнул, но без особого энтузиазма — то ли считал себя достаточно образованным, то ли просто был лентяем.

Так у меня появился ещё один ученик. Эдик особыми способностями не блистал: за пять занятий он научился считать только до двух: один, два, а дальше уже просто много. Он приходил учиться только потому, что его заставляла хозяйка. На уроках он большей частью зевал и только что не говорил — «И чего я здесь высиживаю, убиваю время?» От уроков труда он вообще отлыни-

вал, симулировал хромоту, а когда начинался урок музыки, сразу направлялся к калитке и там ждал хозяйку до конца занятий.

Позднее своих собак привели ещё двое дачников и один парень из деревни Алёхново — он привёл дворняжку по кличке Эклер. Новые ученики занимались с охотой, усердно и добивались кое-каких успехов, но до Альмы им было далеко.

Однажды на наши занятия пришли Гришка с Мишкой и, развалившись на траве, стали посмеиваться над учениками. Я сделал им замечание, они на время притихли, потом опять взялись за своё. Причём если Мишка только подсказывал ученикам правильные ответы, то сорванец Гришка просто-напросто вёл себя по-свински. Когда дог Эдик слишком долго соображал, сколько будет один плюс два, Гришка захохотал и брякнул:

— Ну и придурок!

Тут уж я выпроводил мальчишек на улицу, сказав:

— Приходите только на урок труда. На участке всем работы хватит. Вот тогда посмотрим, кто над кем посмеётся.

И действительно, как только я начинал колоть дрова, четвероногие ученики всё делали гораздо быстрее и лучше ребят: первыми хватали поленья и тащили их под навес,

и складывали аккуратно в поленицу «колодцем», в то время как ребята просто кидали поленья в кучу. На этот раз и Эдик отличился. Забыв про свою «хромоту», он таскал в пасти самые большие поленья и бегал к навесу, как лось, а на обратном пути искося поглядывал на Гришку и усмехался.

Мы с Альмой вместе встречали рассветы, вместе выполняли работу по хозяйству, а по вечерам вместе слушали музыку по радиоприёмнику или я читал ей что-нибудь вслух. И засыпали мы на одной тахте под кукование кукушки — далекое «ку-ку» было для нас лучшей колыбельной. За прошедшее время Альма распрямилась, в её походке вновь появилась царственная осанка, которую я заметил когда-то в подъезде. Теперь, рассматривая что-либо за окном, она и в кресло садилась, как на трон.

Глава шестнадцатая

Третий приезд в лечебницу.

Через две недели рана у Альмы окончательно затянулась и необходимость в защитной клеёнке отпала. Без «воротника» и «фартука» Альма почувствовала свободу в движениях и развеселилась вовсю — стала носиться вокруг дома, то и дело подскакивала ко мне, теребила лапой, лаяла: — Давай побегаем наперегонки! Я включался в игру, изображал отличного бегуна, но не успевал преодолеть и десяти метров, как Альма, оббежав вокруг дома, с победоносным лаем проносилась мимо меня. Я садился на скамью, делал вид, что смертельно устал. Альма подскакивала и невероятно довольная своей ловкостью выдыхала: — Я победила!

После одного из забегов я сказал:

— Всё, дорогая. Надо ехать в лечебницу снимать швы. Последний раз съездим, и всё.

Альма на минуту погрузилась, но потом вскинула голову: — Ладно, поехали к доктору Алексею, а когда вернёмся, побегаем ещё.

Алексей проводил очередную операцию, и нам пришлось больше часа сидеть на лавке под тополем. За это время к нам два раза подбегали знакомые кобельки — рыжий и чёрный. На этот раз эти субчики Альму не облаивали — похоже, поняли, что она девчонка и довольно симпатичная. Пытаясь произвести на Альму впечатление, они взад-вперёд вышагивали перед ней, демонстрировали свои хвосты. Но старались они напрасно — Альма была ещё слишком юной, чтобы видеть в них ухажёров, она всех собак воспринимала только, как приятелей. Прижимаясь ко мне, она поглядывала на псов и застенчиво помахивала кончиком хвоста.

Потом к нам подсел старик с кошкой в корзине и, выяснив, что мы к Неведову, вздохнул:

— Хорошо, буду за вами.

Старик закурил и кивнул на шрам Альмы.

— Кто же её так?

Я коротко рассказал историю своей подруги.

— У меня в детстве тоже была собака, — снова вздохнул старик. — Джеком звали. Мы жили в Белоруссии, в деревне. Когда подходили немцы, все бежали на Восток. Мы еле втиснулись в вагон. Джека оставили, да-а... В сорок четвёртом году вернулись. Соседка рассказала: «Пришли немцы. Джек лаял, охранял ваш дом. Немцы его пристрелили...» Больше я никогда не держал собак, да-а. Только кошек, — старик погладил кошку. — Конечно, не все немцы отличались жестокостью. После войны отец служил в Германии. И мы с матерью были при нём. Наш сосед немец спас во время войны двух сестёр, девушек, угнанных в Германию с Украины, да-а. Их хотели отправить в концлагерь, а он пристроил их на работу. Когда пришли наши войска, его хотели арестовать, но за него вступились девчонки украинки. Так вот было, да-а... Я помню, с местными мальчишками кидал камни. Баловались. И одному я попал в голову. Его отец немец пришёл к моему отцу жаловаться. Отец стал меня лупить ремнём, а немец испугался, попросил простить меня...

Старик затанулся и, выпустив дым, продолжил:

— Да, все люди разные. И животные тоже... Вот Маруська... Их было шесть котят. И каждый со своим характером... Маруська

была непоседой, самой шаловливой... Да вот второй день что-то приболела.

Из лечебницы вышла женщина с маленькой собачонкой на руках. Я извинился перед стариком, что прерываю его рассказ о своей любимице, и мы с Альмой пошли к ветеринару.

Алексей встретил нас, как близких родственников, и, пока мы снимали швы на шее Альмы, расспрашивал, как нам живётся на даче. Потом вдруг сказал:

— Ваша книга помогла мне выздороветь. Два дня лежал с простудой. Прочитал — сразу легче стало. Хорошо написано. Такое впечатление, что о собаках пишет собака.

Не скрою, его слова мне понравились, и главное — такую оценку дал профессионал, знаток собак.

Когда мы сняли все швы, Алексей вздохнул:

— Ну вот и всё, теперь шерсть отрастёт и скроет рубец, ничего не будет видно.

Мы расстались с пожеланием друг другу всего самого хорошего. Так закончилось лечение Альмы.

Самое интересное началось в последующие дни. Сердобольная Альма стала притаскивать на участок раненых животных, чтобы

я лечил их. Принесла выпавшего из гнезда птенца, потом бельчонка, который неизвестно как оказался на нашей улице и ещё не умел ни бегать, ни прыгать. А потом вдруг приволокла тряпичного зайца с одним ухом.

Птенца и бельчонка я выхаживал в коробках, а зайца, незаметно для Альмы, отнёс в контейнер для мусора. Своей четвероногой подружке объяснил, что заяц поправился и ускакал в лес.

Но самое смешное произошло летом, когда однажды я разрешил Альме вместе с Гришкой и Мишкой сбегать в алёхновский магазин. Из деревни Альма привела за верёвку... козу.

Первыми ко мне подбежали ребята и, еле переводя дыхание, выпалили:

— Дядь Лёнь, идите скорей! Смотрите, кого Альма ведёт!

Я заспешил на главную улицу и увидел Альму с пленницей. Коза упиралась и отчаянно блеяла, но Альма упорно тащила её к участку. Приглядевшись, я заметил, что на шее козы вместо ошейника широкая тряпка, и понял — Альма приняла её за «воротник», который сама ещё недавно носила. Понятно, мы с ребятами отвели козу на место, где она паслась, и я долго извинялся перед её хозяйкой.

А спустя год Альма принесла на участок чёрного котёнка с белым пятнышком на груди. У него не было никаких ран, похоже, он просто понравился Альме. Мне он тоже понравился. Так у нас появилась Маркиза. Но об этом позднее.

Глава семнадцатая
Яркий представитель нашего посёлка.

Альма всё больше входила в роль хозяйки участка: каждое утро обегала наши владения, дотошно заглядывала во все закутки. Увидит сухую упавшую ветку — отнесёт к канаве, где лежит хворост. Заметит желтеющие листья рябины — подтягивает шланг и зовёт меня полить дерево. Ну и, конечно, строго охраняла участок — лаяла на всех, кто к нам приближался. Для наблюдения за дорогой облюбовала маленький клён; садилась в тени его листвы и зорко осматривала нашу улицу.

«Лаяла на всех» — это я преувеличил. В основном она только бурчала на всяких подозрительных — тех, кто шли с палками и

мешками, а также на велосипедистов и ребят на роликовых коньках, считала, что те просто валяют дурака. Лаяла она исключительно на незнакомых и бородатых (как вы понимаете, бородачи напоминали ей Тихона). Зато, увидев знакомых, радостно повизгивала и безудержно виляла хвостом. Особенно приветливо Альма встречала моего брата, священника Нежданова и Вадима Николаевича Рахманова, издателя церковной литературы, глубоко верующего человека.

Рахманов жил в конце нашего посёлка; худощавый, усатый старикан, он слыл большим выдумщиком. Например, священника Нежданова прозвал Благородной бородой Московской области, Гришку с Мишкой окрестил Дуэтом сорванцов, а меня — Главной лысиной посёлка.

Свою дачу Рахманов поставил на железных трубах — издали она кажется огромным балконом, парящим в воздухе; к «балкону» ведёт винтовая лестница. На чердаке дачи Рахманов соорудил некий «курятник» — каждый полдень из чердака на крышу террасы выскакивал деревянный петух и, хлопая крыльями, кукарекал, причём драл глотку так, что пугал всю живность в посёлке.

Мы с Рахмановым познакомились много лет назад, когда наш посёлок только строил-

ся. Тогда ещё не было мобильных телефонов, и чтобы поддерживать связь, Рахманов придумал нечто необычное:

— Ты посылай мне бумажные кораблики, а я тебе буду посылать бумажных голубей, — сказал, и в тот же день ко мне на участок прилетела бумажная птаха (и как пролетела триста метров?), на ней было написано: «Приходи вечером. Поужинаем, поговорим».

Я в свою очередь пускал в дренажную канаву бумажные кораблики с записками — ровно через час течение прибивало их к дому Рахманова. Так и переписывались, но потом голубей стали сбивать вороны, а на кораблики залезали лягушки и топили их. Похоже, и вороны, и лягушки видели в нашей бумажной почте неких пришельцев, которые хотят завоевать их среду обитания.

В Рахманове было много детства. Он, старикашка, каким-то странным образом сохранил способность всему удивляться: каждому растению, каждому живому существу. Здесь уместно вспомнить слова английского писателя, знатока животного мира Дж. Даррелла: «Все животные прекрасны». В самом деле, все прекрасны: и те, которыми мы восхищаемся, и те, которые вызывают у нас неприязнь, пока мы не узнаем их поближе. Стоит, например, понаблюдать за жабой, как начи-

наешь понимать, что эта пучеглазая толстуха по-своему довольно красива. И удивительно спортивна — посмотрите на ее головокружительные прыжки! А какая она отважная — пугает нас, надуваясь, привставая на задних лапах, издавая утробные звуки, а ведь мы для неё — немыслимые великаны, какими были бы мамонты для нас.

Многие животные так же, как и люди, грустят и радуются, обижаются, страдают и любят, и бывают верными, самоотверженными друзьями. Но, не в пример людям, все животные бережно относятся к своей среде обитания, а в жилищах довольствуются только необходимым и никогда не делают запасов еды больше, чем нужно. Для счастья надо не так уж и много — иметь любимую работу, крепкую семью и надежных друзей.

Но вернусь к Рахманову. Так вот он рассказывал:

— Животных я любил всегда. Особенно собак. Помню, в нашем пионерском лагере были две приبلудные собачонки. Маленькие, вертлявые. Внешне очень смешные, с белыми и жёлтыми пятнами и розовыми носами. Кажется, они были братьями. Одну звали Чеснок, другую — Перец. Утром на линейке они вместе с ребятами вставали в строй. На зарядке тоже выделявали какие-то фигуры. Во вре-

мя игры в футбол были членами команды. Мы их подкармливали. Из лагеря я привёз в город Чеснока, а мой друг — Перца. В юности я завёл ещё одну собаку. Я тогда учился в университете, жил в пригороде, ездил на электричках. Там по вагонам ходил пёс-побирушка. Уже немолодой серо-чёрного окраса. Он был этакий наивный скромник. Подходил к пассажирам и просто заглядывал каждому в глаза. И все улыбались. Говорили: «Иван Иванович пришёл». Ему протягивали кусочек сыра, кружок колбасы. Он пройдёт вагон и на платформе выходит. Ждёт электричку в обратную сторону. Однажды я позвал его за собой. Он пошёл, и мы стали жить вместе. И сильно привязались друг к другу. Иван Иванович прожил у меня до глубокой старости...

За свою жизнь Рахманов держал немало собак. Собаки даже сыграли ключевую роль в его женитьбе. Об этом рассказывала его жена Таисия:

— Я студенткой проходила практику на одном заводе. Однажды выхожу из заводской столовой и вижу — на пригорке сидит пьяненький интеллигентный молодой человек и кормит свору собак... пирожными. Держит целый поднос пирожных и сует их собакам. «Собакам нельзя давать сладкое», — говорю ему. А он: «Немного можно. В столовой же

нет ни мяса, ни рыбы». А там, и правда, был какой-то разгрузочный день. Ну я поняла, что у него доброе сердце, и позднее вышла за него замуж.

К этим словам добавлю: Рахманов и сейчас подкармливает бездомных собак и держит бойкого кобелька Баксика.

— Я чувствую состояние собаки, — говорил он мне. — Знаю, о чём собака думает в тот или иной момент, что собирается делать. Ты вроде тоже знаешь. И ты, как и я, знаешь собачий язык. Но я знаю его в совершенстве, а это посложнее, чем выучить немецкий или английский... В будущей жизни мы с тобой будем собаками. Или были собаками в прошлой жизни. Но вообще-то, я не оборачиваюсь назад и не заглядываю в будущее, я живу настоящим. В настоящем встречаются прошлое и будущее. Наше настоящее — самое лучшее время.

В общем, Рахманов был первым из друзей, с кем я познакомил Альму.

Глава восемнадцатая
**«Маленький отважный
путешественник».**

Мы зашли к Рахманову в полдень, как раз когда его горластый деревянный петух орал во всю мочь, чем немного испугал Альму — она поджала хвост и, пока не смолкло «кукареканье», не решалась ступить на участок.

— Не пугайся, малышка! — засмеялся Рахманов. — Наш Петя добрый. И знает своё дело, увидел вас, даёт знать: — К нам идут гости!

Мы всегда рады гостям, — откликнулась Таисия, жена Рахманова. — Мы любим гостей. Некоторые говорят: «Очень рады, про-

ходите», а про себя думают: «И чего притащились, скорее уходили бы». А мы искренне любим гостей и никого не отпускаем без баночки варенья.

Рахманов поддержал супругу:

— Как говорил Линкольн: «Лучшее в жизни человека — его дружба с другими людьми».

Что правда, то правда — супруги Рахмановы славилась своим гостеприимством и щедростью. Этим же славился и Баксик: ведь собака перенимает характер хозяев. Завидев Альму, Баксик поспешно залез под скамью и вытащил резиновое кольцо, кеглю, тряпичную черепаху — он готов был подарить госте все свои игрушки.

Будучи общительной от природы, теперь, после выздоровления, Альма всех принимала в друзья, тем более маленького весёлого Баксика. Они сразу понравились друг другу и начали незатейливые собачьи игры, а супруги учинили мне допрос:

— Откуда Альма? Почему до сих пор не заходил с ней?

Особенно дотошно выпрашивал Рахманов; его, истинного собачника, интересовало абсолютно всё. Понятно, я обстоятельно рассказывал, что Альме пришлось пережить и как я ухаживал за ней после операции;

упомянул и о «собачьей школе» и пригласил Баксика в неё.

Рахманов с женой близко к сердцу приняли судьбу моей подружки, то и дело подходили к Альме, гладили её, рассматривали шрам, сочувственно вздыхали.

— Аль-ма! Звучит красиво, — произнёс Рахманов и закатил глаза, давая понять, что вот-вот улетит в небо, но всё же остался на земле: — Под Симферополем есть речка Альма. Красивая такая речушка. Я в ней купался.

Супруги похвалили ветеринара Неведова и священника-поэта Нежданова, который «навверняка помолился за Альму, и Бог помог ей». Моё участие в операции и лечение Альмы на даче супруги почему-то пропустили мимо ушей. Рахманов даже с некоторым вызовом пробормотал:

— То, что ты сразу не взял Альму к себе, а стал её куда-то пристраивать — большой грех! Бог тебя накажет.

— Поздравляем тебя с новым верным другом! — торопливо сказала Таисия, сглаживая страшное предсказание мужа. — Спасибо за приглашение Баксика в «школу», но он у нас и так учёный. Всё знает и всё умеет, как наш папа, — Таисия нежно посмотрела на Рахманова, и он засиял от счастья.

В этот момент деревянный петух заорал снова — к забору Рахмановых на велосипеде подъезжал Нежданов. Я уже говорил, что он дружил с Рахмановым, ведь людей ничто так не связывает, как общие взгляды и увлечения.

Нежданов выглядел расстроенным. Оставив велосипед у калитки, он вместо приветствия только всем кивнул, устало сел на скамью перед дачей и покачал головой:

— Ну и приключение выпало мне сегодня! Представляете, рано утром еду по шоссе в Истру, вдруг вижу — по тропе вдоль обочины катит мальчуган на детском двухколёсном велосипеде. Ребёнку лет восемь—десять. Вокруг ни посёлка, ни деревни, а он едет неизвестно куда. Голова понуро опущена, рубашка и штаны в комьях земли — видно, падал. Я притормозил, крикнул: «Мальчик, остановись!» Он остановился, я подошёл, спрашиваю: «Как тебя зовут, сынок?» Он говорит: «Алёша». Лицо у него чумазое, глаза от пыли воспалились, на руках ссадины. «Куда же ты едешь, дорогой мой?» — спрашиваю. «К бабушке», — говорит. «А где бабушка живёт?». «В деревне». «А как называется деревня?» «Степаново». А я знаю, эта деревня за тридцать километров от Истры.

Нежданов на минуту замолчал, перевёл дух и продолжил:

— Я понял, с ребёнком что-то случилось, и решил его прежде всего накормить, а потом уже выяснять, что и как. «Я знаю деревню твоей бабушки и отвезу тебя туда, — говорю. — Но вначале давай приедем в Истру и поедим. Есть хочешь?» Он кивнул. Я привязал его велосипед к багажнику, его самого посадил на раму, и мы поехали. По пути он рассказал: «Папка погиб на стройке, мамка умерла». Его отдали в детдом. А когда родители были живы, его на лето отправляли к бабушке в деревню. Он помнил собаку Зину... «В детдоме плохо, — говорил. — Хочу жить с бабушкой... И Зина по мне скучает»...

— Бедный мальчик, — обеспокоенно вздохнула Таисия.

— Как я выяснил, он сбежал из детдома, — продолжил Нежданов. — «После завтрака сел на велосипед и незаметно уехал» — так Алёша сказал. Ехал уже третий день, представляете? Ночевал у дороги в кустах бедняга.

— Смелый парнишка, — заметил Рахманов.

— Но как он определял дорогу? — вставил я.

— Помнил, что надо доехать до Истры, а дальше собирался спросить у кого-нибудь, — пояснил Нежданов и возобновил рассказ: —

В Истре, в монастыре, Алёшу накормили, нам выделили машину, и я отвёз его к бабушке. Она обрадовалась внуку. Она хорошая, ходит в церковь... Но пенсия у неё маленькая. Вот теперь надо помочь ей с опекуном, с пособием на внука, надо устроить Алёшу в школу.

— Хорошо, что так закончилось, — вздохнула Таисия.

А я вдруг заметил, что Альма с Баксиком давно не играют и, разинув рты, внимательно слушают священника-поэта. Рассказ об Алёше произвёл на них сильное впечатление.

— Я, пока ехал к вам, сочинил про Алёшу стихотворение, — снова заговорил Нежданов. — Называется «Маленький отважный путешественник». Послушайте!

— Я послушаю из дома. Пойду накрывать на стол, — Таисия поспешно встала со скамьи (похоже, она уже устала от стихов мужа).

За обедом Нежданов сказал:

— А в церкви у нас приключения другого рода. Представляете, недавно кто-то икону утащил. Небольшую иконку, но намоленную, дорогую для прихода. И кто до такого святотатства дошёл?!

Альма с Баксиком, лопавшие кашу у крыльца, одновременно встрепенулись. Баксик что-то буркнул, Альма завывала.

— Негодует, — уточнил я.

— Вот и прихожане мои возмущены, — сказал Нежданов. — Они люди хорошие, совестливые.

— Милицию вызывал? — спросил Рахманов.

— Участковый приезжал, сказал: «Будем искать». Я об этом случае тоже написал стихотворение, послушайте!

Глава девятнадцатая
Кое-какие горькие мысли.
Альма спасает мне жизнь.

Наш посёлок окружает лес. Не очень дремучий, но всё же в нём можно заблудиться, если потеряешь ориентировку, ведь известно, что в лесу человек ходит по кругу. Когда посёлок только строился, из леса не раз прибегали всякие животные. Однажды, когда мы с братом ставили забор, на нашу улицу вбежало семейство лосей. Заметив нас, лосиха сразу повернула обратно в лес, а лосёнок прижался к отцу, большому рогатому быку. Некоторое время сохатый с телёнком наблюдали за нами, потом развернулись и заспешили вслед за

лосихой. Бывало, на улице появлялась лисица или увидишь зайца — стоит столбиком, крутит головой в разные стороны; услышит лай собаки, драпает в лес.

Сейчас в посёлок никто не забегает. Всех животных перестреляли охотники — «люди без души», как их называет Нежданов.

В ту осень добивали последнюю живность — белок в лесу и уток на озёрах. После каждого выстрела Алья пряталась под террасу и тряслась от страха. А я думал: «Дикари в Африке убивают животное по необходимости и просят у него прощения. А так называемые цивилизованные охотники убивают ради адреналина, устраивают себе развлечение и потом хвастаются трофеями. Некоторые совсем обнаглели — охотятся с вертолёта в заповедниках, убивают животных, занесённых в «Красную книгу»!

Что ещё исчезло в нашей местности, так это цветы. Раньше в лесу их было множество, и все крупные: колокольчики — с кофейную чашку, ромашки — с блюдце. Сейчас цветов почти нет, а те, редкие, которые встречаются, — мелкие и блёклые. Всё от того, что любители букетов рвали самые лучшие экземпляры, и постепенно цветы выродились. Некоторые, вроде ландышей и лесных купав, пропали совсем.

Всех устраивающих вылазки на природу, можно разделить на два сорта: на племя варваров — то есть тех, кто в лесу бросает полиэтиленовые пакеты, бутылки, банки, кто может сломать живое деревце, пнуть муравейник, и на «зелёных», тех, для кого лес — заповедное место красоты, владение животных. Мы с Альмой самые что ни на есть «зелёные». «Зеленей» не бывает.

Кстати, именно «зелёные» считают, что никто иной, как человек уродует нашу планету: вырубает леса, строит плотины, возводит заводы, загрязняет моря, отравляет газами атмосферу. От этой деятельности пересыхают реки, тают ледники, вымирают животные. Говорят, сейчас стали бережней относиться к природе. Не знаю, однако факт остаётся фактом: каждый день на Земле исчезают десятки растений и животных. Исчезают навсегда!

Но вернёмся в посёлок. Несколько раз мы с Альмой ходили за грибами. На первых дарах природы я объяснил своей подружке, какой гриб ценный, какой — так себе. Альма всё поняла и начала носиться меж деревьев, как слаломистка. Найдёт сыроежку — лает один раз, заметит подосиновик — лает два раза, ну а если попадётся боровик, заливается на весь лес. Я подойду, срежу гриб, а Альма вертится

рядом, улыбается, ждёт, когда её похвалю. Так и собирали грибы — Альма находила, а я срезал. И всегда возвращались с полной корзиной, хотя отправлялись в лес позже всех. Некоторые грибники вставали чуть свет и часами бродили по лесу, но набирали всего ничего, а мы днём заглянем на полчаса — всё! — корзина доверху.

Как и многие животные, Альма предчувствовала опасность. Однажды в лесу нас застала гроза. Мы сильно промокли и уже направились к посёлку, как вдруг Альма остановилась и, гавкнув два раза, кивнула на поляну, где виднелось несколько подосиновиков. Я тоже остановился в раздумье — собирать грибы или не тратить на них время, корзина и так была почти наполнена. Внезапно Альма прыгнула на меня, схватила за рубашку и потащила в сторону. В ту же секунду на место, где мы только что стояли, рухнула огромная сухая ель. Не было слышно ни треска, ни шума ветвей соседних елей, которые задевало падающее дерево, но Альма каким-то непонятным образом почувствовала угрозу за нашей спиной.

И был ещё случай, когда Альма спасла мне жизнь. В тот день мы пошли в лес под вечер. Быстро набрали полную корзину и тут — сам не знаю с чего — я вздумал прой-

ти весь лес насквозь, узнать его получше, набрести на «интересные места», которые непрестанно расписывал заядлый грибник Рахманов.

— Лес простирается всего на три километра, — говорил он. — За ним интересные места: деревня и озеро — красотища, глаз не оторвёшь! Там шоссе и ходит автобус до Истры. Он идёт и мимо нашего посёлка. Можно спокойно подъехать к нашим домам.

Так я и решил — посмотреть «интересные места» и вернуться на автобусе. Не знаю почему — возможно, мы с Альмой немного поплутали, но лес тянулся больше, чем на три километра. Незаметно село солнце, стало темнеть, а лес всё не кончался. Альма, которая вначале с радостью встретила мою затею, теперь недовольно сопела и тревожно посматривала по сторонам; раза два вообще останавливалась и, поскуливая, звала меня назад, к посёлку. Наконец я и сам решил вернуться, но в этот момент заметил — впереди деревья поределели и за ними открывается ровная поляна со светлой травой и какими-то цветами, похожими на свечи. «Действительно интересное местечко», — подумалось.

— Всё, Альма, лес кончился! — бодро возвестил я. — Где-то здесь должна быть дерев-

ня, сядем в автобус, с комфортом вернёмся домой. Вперёд, дорогая!

Я устремился к поляне, но, сделав несколько шагов, внезапно по пояс ушёл в тёмную топь. Светлая травка оказалась лишь приманкой для доверчивых грибников, на самом деле поляна была болотом-ловушкой. Очутившись в хлипком месиве из трухи и гнили, я сразу повернул назад, кинул корзину в сторону земли и попытался выбрать-ся на твёрдую почву, но не тут-то было! Топь и не думала меня отпускать. Чуть шевельну ногой — ещё глубже ухожу в вязкую жижу. Я словно попал в капкан.

Альма бросилась мне на выручку; ещё секунду, и она вслед за мной увязла бы в трясине, но я успел крикнуть:

— Стой! Назад! Ищи толстую ветку и протяни мне!

Альма забегала вдоль болота, но, как назло, подходящей ветки поблизости не было. А меня уже засосало по грудь несмотря на то, что я старался не двигаться и цеплялся за травы, торчащие из хляби.

Наконец Альма нашла сосновую ветку и протянула один конец мне, другой схватила зубами и упёрлась лапами в землю, готовая тащить меня «на буксире». И наверняка вытащила бы — она не из слабых, но ветка

оказалась сухой, она обломилась, как только я за неё ухватился.

— Ищи ветку с листьями! — крикнул я. — Или сломай тонкое деревце!

Между тем у меня на поверхности уже оставалась одна голова, я только что не пускал пузыри. Последнее, что я помню, — мне в лицо тычутся ветки с листвой. Как я за них ухватился и как Альма вытащила меня — не помню. Очнулся я уже на твёрдой земле. Альма, отчаянно пытая, давила мне лапами на грудь, словно делала искусственное дыхание. Заметив, что я открыл глаза, Альма лизнула меня в нос и облегчённо вздохнула. Я приподнялся и обнял свою спасительницу.

А сумерки всё сгущались, нас стали донимать комары, мы оба дрожали — я от прилипшей мокрой одежды, Альма — от страха перед темнотой; она всё время прислушивалась к лесным звукам и пугливо озиралась. В общем, мы оказались в положении хуже не придумаешь. Но надо было что-то делать. Я поднялся, нашёл корзину с несколькими грибами (большинство выпало после того, как я отшвырнул её) и сказал Альме:

— Где-то здесь должна быть деревня, надо обойти болото.

Альма принялась и покачала головой:

— Я не чувствую никакого жилья, за болотом снова начинается лес.

Присмотревшись, я и в самом деле разглядел за «поляной» деревья.

— Пойдём назад через лес, я найду дорогу к посёлку, — пролаяла Альма. Мне ничего не оставалось, как подчиниться ей.

Мы углубились в ночной лес. Я брёл за Альмой и видел перед собой только её жёлтый пушистый хвост. То и дело меня по лицу хлестали ветки, руки обжигала крапива; несколько раз я спотыкался о корни и падал — тогда Альма останавливалась и поджидала меня.

Через час с небольшим, чётко выдерживая направление, словно по компасу, Альма привела меня к посёлку, именно к нашей улице, где мы входили в лес. Но гораздо больше меня поразило не это, а мужество Альмы — то, что она в трудной ситуации преодолела страх перед темнотой. И не паниковала, а действовала трезво, решительно. Это, скажу вам, качество настоящих героев.

Глава двадцатая

Чудеса в нашем посёлке.

Нашим поселчанам свойственно чувство прекрасного. Гришка с Мишкой построили дворец из глины, бухгалтерша садового товарищества сочинила стишок, сторож нарисовал Альму, мастеровитый Рахманов сотворил часовню и деревянного петуха. А поскольку в нашей местности маловато полевых цветов, поселчане разводят садовые, чтобы восполнить прекрасное. Некоторые палисадники попросту ломаются от напора цветов.

Вообще, скажу вам, наш посёлок можно назвать цветочным. Посудите сами, в дренажных канавах полно кочек с незабудками, пожарный водоём покрывают розовые цве-

ты водяной гречихи — водоём похож на плавающий сад. На одном участке, словно десятки солнц, красуются жёлтые корзинки подсолнухов, на другом и вовсе происходят чудеса: на крапиве и лопухах каким-то странным образом вдруг появляются... тюльпаны. Одни говорят, что хозяин участка ради шутки привязывает благородные цветы к диким растениям, другие уверены, что хозяин вывел новый сорт флоры и ему, как гениальному ботанику, надо дать Нобелевскую премию.

Впрочем, чего-чего, а чудес в нашем посёлке хватает. Правда, как правило, чудеса видят те, кто хотят их видеть.

Рядом с домом Рахманова стоит маленький домишко, в который уже много лет никто не приезжает. Говорят, старики, хозяева дачи, умерли, а их детям неприглядное, ветхое жильё не нужно. Домишко весь оплетён плющом, зелёные «змейки» оплетают и стены, и крышу строения; в середине лета, когда плющ разрастается, дача полностью скрывается за листвой, не видно ни окон, ни крыльца, дача похожа на таинственный терем. Считается, заросший дом — плохой знак. Не знаю, но Гришка с Мишкой не раз говорили мне, что в даче живёт летающий дракон.

— Он по ночам облетает посёлок, — шёпотом сообщал Гришка.

— У него маленькая голова и длинный хвост, — тихо объяснял Мишка.

Как-то они меня допекли этим драконом — стали говорить, что он таскает кошек и может напасть на Альму.

— Ладно, — сказал я. — Пошли выясним, кто живёт в том доме.

Мы пришли к Рахманову, и я спросил приятеля напрямик:

— Это правда, что оттуда по ночам вылетает дракон?

— Абсолютная правда, — серьёзно подтвердил Рахманов. — Но я его заарканил. Сейчас принесу.

Он ушёл в сарай и вернулся с большим бумажным змеем. Впереди у змея висела похожая на птичью голову гайка, сзади болтался длинный хвост из мочалок.

— Вот он, красавчик, дружок моего петуха, — с гордостью заявил Рахманов. — Перед грозой я запускаю его на тонкой проволоке и привязываю к штырю, — он кивнул на железный прут в огороде. — Чтобы молния уходила в землю. А то ещё шарахнет в телевизионную антенну. Здорово я придумал, что скажете, ребята?

Мои спутники смущённо закивали.

Но происходят у нас и настоящие чудеса. Ну разве не чудо — во время дождя в посёлке появляются заколдованные места, куда не попадают водяные струи? Представьте себе — вокруг льёт как из ведра, а вы, словно под стеклянным колпаком, стоите абсолютно сухой, на вас не попадает ни капли. Гришка с Мишкой знали такие места и, как только начинался дождь, звали нас с Альмой под невидимый зонт.

После дождя в посёлке стоит мутная тишина, приветствуя солнце, распускаются цветы, вновь начинают петь птицы. Но всё это происходит и в других посёлках, а вот где увидишь сразу три радуги? А у нас они в порядке вещей. Маленькая радуга над канавами, средняя — над посёлком, гигантская — над всем Истринским районом.

Вы не поверите, но у нас случаются и миражи. В знойный полдень, когда от земли струятся горячие испарения, неожиданно над посёлком появляется его зеркальное отражение. Со стороны Алёхново отчётливо видно, как в воздухе висят дома, деревья, машины. Представляете это незабываемое зрелище? Однажды мы с Альмой даже видели бегущего по небесной улице Баксика — Альма поприветствовала его лаем.

Есть в нашем посёлке площадка, где подростки на скейтбордах выделывают всякие трюки. На том клочке земли нет ни одной травинки, но время от времени ребята сталкиваются с необъяснимым — приходят на площадку со своими досками, а там густая трава, как будто кто-то постелил зелёный ковёр. Каким-то странным образом на следующий день трава исчезает, а потом внезапно появляется снова. Это повторяется каждую неделю, как по расписанию.

И есть в нашем посёлке загадочное место — там всегда стоит туманное облако. Представляете, идёт человек по дороге и вдруг становится невидимкой. Исчезает, словно растворяется в воздухе. Пройдёт то место, опять появляется.

И наш пожарный водоём не что иное, как оздоровительный бассейн. Он сильно прогревается на солнце, но в нём бьют мощные ключи. Представляете, горячая вода через каждый метр, чётко, как на огромной шахматной доске, чередуется с холодным водяным столбом! И эти две среды не перемешиваются! Получается лечебная ванна с гидромассажем.

И луна у нас неправдоподобно яркая. Тени от неё, как днём от солнца. И каждую ночь у нас звездопад — можно загадывать

желания без конца, и самое удивительное — они все сбываются!

А ещё в том месте, где расположен наш посёлок, всегда необыкновенно красивые закаты — настоящее пиршество красок. Лучи заходящего солнца веером расходятся по всему небу; искрятся и тают. А из-за леса по лучам, словно серебристые шары, наплывают облака. Говорят, тот, кто видел красивый закат, будет счастливым. Очень хочется в это верить.

Да полно у нас чудес! Но понятно, для меня самым необыкновенным чудом стала Альма. Она оказалась не только красавицей и умницей, но и отважной.

Глава двадцать первая

Прощай, лето!

До конца лета Альма жила на даче с братом. Я приезжал только в выходные и каждый приезд удивлялся, как быстро Альма растёт. От её большой раны остался рубец — он покрылся рыжей шерстью и, как и говорил Алексей Неведов, стал незаметен.

Лето, лето! Мне всегда кажется, что оно проходит слишком быстро. Не успеешь и глазом моргнуть, как уже желтеют листья, жухнут травы, наступают холода.

Я люблю все времена года. И любую погоду. Но особенно люблю лето. Тёплые долгие летние дни мне кажутся раем на земле. Альме тоже больше всего нравилось

лето, ведь с остальными временами года у неё были связаны одни неприятности.

В середине лета петух Рахманова сломался, но зато в посёлке стало раздаваться кукареканье настоящего петуха — один из дачников привёз из деревни несколько кур и красавца петуха. С того дня мы с Альмой просыпались от его звонкого голоса. Проходя мимо участка дачника, я не раз видел, как петух царственно вышагивает среди кур; найдёт зернышко, сам не ест, зовёт своих подружек. Время от времени петух привставал на носки, хлопал крыльями и, вытянув шею, изо всей мочи пел свою бесхитростную песню.

Но в конце лета однажды утром не раздалось привычного кукареканья. Альма долго прислушивалась, вопросительно смотрела на меня; я и сам был удивлён до крайности. В тот же день Гришка с Мишкой сообщили, что дачник съехал с дачи, а перед отъездом и кур, и петуха забил.

— Он отрубал им головы на пне, который называл «плахой», — торопливо рассказывал Гришка. — И кидал кур в сторону. Некоторые куры кувыркались в воздухе, а потом падали на землю.

— А петух даже пролетел несколько метров, — добавил Мишка с дрожью в голосе.

Нам всем было жалко петуха и кур. Альма так просто ушла за сарай, чтобы мы не видели её слёз. Не очень уверенно я сказал ребятам, что постараюсь уговорить Вадима Николаевича Рахманова, чтобы он завёл петуха и кур, поскольку он почти круглый год живёт на даче.

— Настоящий петух лучше его деревянного, — выдал умную мысль Гришка.

— А мы будем петуху и курам приносить крупу, — воодушевился Мишка.

Кроме этого неприятного дня, остальные последние дни лета протекали мирно. И даже забавно-примечательно. Ну разве не примечательно, что у нас под террасой поселились ежи? Каждый вечер, шелестя опавшей листвой, сопя, урча и похрюкивая, они уходили к соседям, где весь участок был усыпан яблоками, причём шествовали один за другим, как солдаты в строю. Наевшись, ежи возвращались под террасу; некоторые тащили на спинах яблоки про запас.

Альма с огромным любопытством рассматривала колючих зверьков, а они её вроде и не замечали — так были заняты своим делом. Правда, первые дни иногда поднимали колючки и сворачивались в клубки, но быстро привыкли к моей подружке и топали прямо перед её лапами.

Чтобы разнообразить меню ежей, я на ночь ставил у террасы миску с кашей — по утрам миска оказывалась пустой. Альма, умница, к миске не подходила, только издали принюхивалась — прекрасно знала, для кого я оставляю еду, и перед сном всегда проверяла — не забыл ли я положить кашу?

А на наших елях появились десятки шустрых белок. Словно язычки пламени, они носились по ветвям с шишками в зубах — делали заготовки на зиму. Некоторые из белок собирали упавшие шишки на участке — спрыгивали на землю с нижних ветвей дерева, хватали шишку и стремглав неслись по стволу в гущу еловых веток.

Альма прямо-таки любовалась ловкостью белок — то и дело задирала голову и кивала мне, указывая, где находится тот или иной зверёк. А когда белки перепрыгивали с дерева на дерево, прищёлкивала языком от восторга и, оборачиваясь ко мне, подавала голос: — Видал, какие трюки?! Мы с тобой такое не смогли бы исполнить.

Альма обладала редким качеством — умела ценить чужое мастерство.

Под жильё белки использовали чердаки, а некоторые, особо смыслёные, и скворечники. Белкам я тоже оставлял еду — раскладывал на террасе грибы и орехи. Альма

бдительно следила, чтобы на террасе постоянно лежало угощение для белок — как только оно исчезало, звала меня. Она заботливо относилась ко всем животным. Случалось, из своей миски вынимала самые лакомые куски мяса и относила в миску у террасы. Она прежде всего думала о других, а потом уж о себе. Даже со мной во время завтрака, обеда или ужина она никогда не начинала есть первой; подходила к миске и косилась, боковым зрением посматривала на меня — ждала, когда я сяду за стол; и не прикасалась к еде, пока я не начну есть. Такая оказалась воспитанная собачонка. Кто её воспитывал, я не представлял, поскольку не знал её родителей. Девчонка, которая её подобрала, — не в счёт. Вряд ли она могла чему-то научить щенка за два дня. Про птичницу и Тихона и говорить нечего. Но вскоре мне открылась тайна рождения Альмы.

Глава двадцать вторая

Наш двор.

Я живу в Тушино, недалеко от Кольцевой дороги на улице Свободы, самой длинной в городе. Свободы у нас полно — большой парк и Москва-река с пляжем и речным вокзалом на противоположной стороне. Но и шума у нас хватает — по улице катит немало машин. Хорошо еще, что дорогу обрамляют липы, они немного поглощают шум.

Наш дом — обычная пятиэтажка; перед домом тополя и берёзы, а между ними — сирень, достающая до моего второго этажа; весной я нюхаю цветы прямо с балкона. И во дворе у нас тополя и берёзы, и есть детская площадка с качелями, и хоккейная ко-

робка, и площадка для «тусовки» собак. Но, как и во всех дворах, у нас десятки «ракушек», которые, понятно, не украшают, а уродуют двор.

Квартира у меня двухкомнатная, маленькая, немного захламлённая. Приятели всё спрашивают, когда я сделаю ремонт? А меня вполне устраивает и такое жильё. Главное — у меня есть большой рабочий стол, книги и пианино, которое осталось от покойной матери. Раз в год я сажусь за инструмент и пытаюсь вспомнить кое-какие мелодии, но у меня мало что получается.

Альме моя квартира понравилась. Конечно, пространство не то, что на участке, и воздух не тот, и звуки не те, но зато в холодные дни не надо топить «буржуйку» и в слякоть после прогулки можно вымыть лапы тёплой водой, и выход на прогулку всего через два лестничных пролёта, и хороший обзор улицы с балкона, и магазин под боком, а не в Алёхново. Ну и конечно, хвостатых собратьев, кошек и птиц, не меньше, чем в посёлке.

Кошки обитают в подвале нашего дома, а голуби — на чердаке. И тех, и других подкармливают сердобольные старушки и старички, вроде меня. Кошки в основном вылезают из подвалов с наступлением темноты, а голуби, понятно, весь день летают и разгу-

ливают вокруг дома; доверчивые, беспечные птицы, наевшись, устраивают игры в воздухе — планируют, кувыркаются и, сложив крылья, падают вниз. Случается, некоторые слишком увлекаются и не успевают у земли расправить крылья, и разбиваются.

Одного такого полуживого летуна я подобрал и лечил несколько месяцев в ящике на балконе. Когда он поправился, я «окольцевал» его — обвязал одну из лап мягкой зелёной ниткой — и выпустил на свободу. Странное дело, больше я не видел его. Сколько ни разглядывал голубиные стаи, своего пациента не находил. А поздней осенью, довольно далеко от дома, Альма подвела меня к вороху опавшей листвы. Среди листьев я заметил голубиные перья и чуть в стороне скелет птицы, на одной из лап была зелёная нитка. Как погиб мой голубок, не знаю. Возможно, всё же разбился, ведь он любил поиграть в воздухе.

Как и раньше, но теперь уже с Альмой по утрам, выходя из дома, я брал с собой пару сосисок для бездомных собак, кусочки рыбы или «вискас» — для кошек, хлеб или пшено — для голубей и воробьёв. Птицы обычно меня уже поджидали на деревьях и балконах, но первое время побаивались Альму; потом привыкли, даже подлетали к ней, думали, что и она может угостить зерном.

Кошки чаще всего появлялись к вечеру, поэтому я оставлял им еду около вентиляционных отдушин. А при вечерней прогулке кормил из рук, предварительно попросив Альму отойти в сторону, чтобы не пугать кошачью братию.

Что касается бездомных собак, то они в большинстве своём долго в нашем дворе не задерживались — одни, как все бродяги, искали лучшее место обитания, другие по неосторожности попадали под машины, третьих отлавливали собаколовы — чаще всего по вызову разных ненавистников животных. А таких людей немало. А всё отчего? У нас слишком мягкие наказания за жестокое отношение к животным. Представляете, в Америке за убийство кошки дают до двадцати лет тюрьмы! А у нас — штраф, да и то не всегда.

Безусловно, в городе у собак постоянная борьба за выживание, они всё время рискуют жизнью. Лучше всего собакам жить в пригороде или в деревне, но, естественно, не сидеть на цепи, а иметь тёплую будку и любящего хозяина — из тех, кто «в плохую погоду собаку на улицу не выгонит».

Глава двадцать третья *Друзья и соперники.*

Первыми городскими друзьями Альмы стали доберман-пинчер Тимошка и овчарка по кличке Боец. Маленький, прямо игрушечный, Тимошка был ровесником Альмы, и, понятно, им нравились одни и те же игры. Они носились кругами: Альма резво бежала впереди, её вприпрыжку догонял Тимошка. Время от времени Альма останавливалась и, как только Тимошка подбегал, перескакивала через него. Но иногда Тимошка успевал первым перелететь через Альму, при этом искоса поглядывал на неё — явно хвастался своей ловкостью.

Шустрый Тимошка напоминал Альме Баксика, и потому она сразу к нему привяза-

лась. Она вообще любила маленьких собак и детей, общение с ними считала более интересным и безопасным. И маленькие собаки, и дети любили Альму. Да и как её было не любить, ведь с ними она была и весёлой, и выдумщицей — всякий раз придумывала новую игру.

Забегая вперёд, сообщу печальную вещь — спустя год Тимошка погиб. Его хозяева прошляпили — не заметили, как он во время «собачьей свадьбы» увязался за какой-то приبلудной собакой, и впоследствии выяснилось — его, крохотулю, загрыз кто-то из крупных «женихов».

Хозяева Тимошки, бездетные супруги средних лет, были хорошими людьми. Каждый вечер, взявшись за руки, они гуляли вокруг нашего дома. И Тимошка никогда от них далеко не отбегал. Он вообще боялся чужих людей и незнакомых собак, а дружил и вовсе только с Альмой. И вот однажды случилось такое несчастье. Кстати, супруги взяли Тимошку, чтобы легче пережить потерю предыдущей собаки — борзой Люси, самой великовозрастной во дворе. Люся отличалась необычным кремовым окрасом и независимостью. Она никогда ни на кого не лаяла, ни с кем не общалась. Ей было очень много лет, но держалась она по-королевски: вы-

шагивая за хозяевами, высоко поднимала лапы и никогда не смотрела по сторонам. Позднее супруги рассказывали:

— ... Мы взяли её щенком и вместе прожили, кажется, целую жизнь. Вначале она была для нас дочкой, потом — сестрой, а под старость — беспомощной матерью. Она тяжело умирала: её парализовало, она ходила под себя, стонала. Чтобы не мучилась, мы хотели её усыпить, но никак не могли решиться. Потом всё же принесли в лечебницу. И вот... пока ждали очереди, она на руках у нас умерла... Чтобы мы не брали грех на себя, чтобы нас не мучила совесть. Такая умница была!.. После её смерти мы прямо потеряли часть души...

Они не знали, что впереди их ждёт ещё потеря Тимошки.

Старого больного Бойца выгуливал его хозяин Виктор, парень-афганец. Было известно, что Виктор бывший сапёр и на афганской войне с Бойцом разминировал мины, что, когда закончилась война, Виктор не смог расстаться с собакой и взял её с собой в Москву. От запаха взрывчатки у Бойца были поражены все органы, он ходил с трудом, попросту волочил задние лапы. Обычно он брёл за Виктором, тускло поглядывал на собак, только при встрече с Альмой в его глазах появлялись живые

искорки, он ложился в траву и, глядя на мою подружку, улыбался, улыбался, улыбался. Альма подбегала к ветерану, почтительно склоняла голову, подгибала лапы — делала реверанс (она не раз слышала рассказы о подвигах Бойца).

В соседнем доме проживал пёс Кузя. Он выглядел довольно смешно: низкорослый, лохматый, серо-бурого окраса, с узкой мордой и чёрным носом-набалдашником. Его маленькие чёрные глаза еле виднелись под нависавшими бровями. Кузя всех собачников поражал своей преданностью хозяину. Между тем этот хозяин постоянно шпынял и бил Кузю — срывал на нём злость за «опостылевшую жизнь». Никто ни разу не видел этого типа трезвым, соседи называли его позорищем всего дома. Случалось, хозяин Кузи пропадал на несколько дней, и всё это время пёс ждал его у подъезда, а спал возле своей двери. Нередко соседи приводили Кузю к себе, кормили, стелили коврик-подстилку и вообще были готовы оставить собаку у себя, но Кузя непременно уходил к своей двери.

Однажды хозяин Кузи потерял ключи от квартиры, долго дебоширил в подъезде, лупил Кузю, наконец уснул прямо на лестничной клетке. Соседи вызвали милицию, но когда приехали стражи порядка, чтобы забрать

«позорище», Кузя стал на них лаять, всем своим видом давая понять, что никого к хозяину не подпустит. Соседи с трудом оттащили Кузю в сторону, но он всё-таки вырвался и пытался помешать милиционерам запереть хозяина в «газик», а потом ещё долго бежал за машиной. К счастью, он не потерялся и к вечеру прибежал к дому. А спустя несколько дней вернулся и его хозяин. Как всегда нетрезвый.

Одно время во дворе появилась чёрная пугливая сучка с двумя щенками. Эта мамаша ревностно оберегала своих детей от общения с собаками, только Альме разрешала с ними играть — видимо, сразу почувствовала добросердечие моей подружки.

Ночевало бездомное семейство между «ракушками». Их подкармливали, кое-кто пытался пристроить щенков в хорошие руки, но это непростое дело. Слишком много бездомных собак в городе, а желающих взять их к себе слишком мало.

Так получилось, что вскоре сучка пропала. Говорили, что её сбила машина. С неделю щенки, жалобно поскуливая, выглядывали из-за «ракушек». Мы с дворником соорудили им навес из досок, под ним постелили старое одеяло, принесли миски, куда клали еду наши любители животных.

А потом вдруг в наш двор забежал очередной бродячий пёс — молодой, двух-трёх лет. У него была гладкая белая шерсть и голубые глаза. Ангел, а не пёс. И вот этот ангел, увидев щенков, сразу остался с ними, стал для них настоящим отцом. Надо было видеть, как он, сам ещё совсем молодой, заботится о своих приёмышах: приносил им еду, которую оставляли у домов для кошек, выводил щенков на прогулку и следил, чтобы они не отбегали далеко от своей конуры, всячески оттеснял от них взрослых собак, а на ночь взбивал одеяло под навесом, чтобы щенкам было помягче лежать, а сам ложился перед входом — охранял жилище. Позднее, с наступлением холодных дней, он укладывался спать со щенками, чтобы согреть их своим теплом.

За свою жизнь я не раз видел у бездомных собак крепкие семьи с супружеской верностью. Видел семьи с изменами и ревностью. И видел сучек, которые воспитывали не своих щенков. Но чтобы бродячий пёс усыновил чужих щенков, видел впервые. Естественно, этот благородный пёс вызывал у меня уважение и восхищение. И не только у меня.

Альма к этому странному семейству относилась с огромной симпатией. И пёс-ангел, так же, как и мать щенков, доверял Альме, она была единственной собакой, которую он

подпускал к навесу. А щенки принимали её за няньку или старшую сестру, не знаю, что у них было в голове. Альма ежедневно приносила им подарки — в основном игрушки, которые находила в детской песочнице. Но часто и дома откладывала для них что-нибудь вкусненькое. Я положу в её миску две котлеты — она одну съест, а вторую спрячет под табуретку. Только соберёмся на прогулку, она сразу котлету в зубы, а выйдя из подъезда, спешит к конуре-навесу, причём делит котлету на две части, чтобы досталось каждому из щенков. Щенки слопают угощение и затевают игру — прыгают и виснут на Альме, вцепившись зубами в её холку. А зубы у них резались, были мелкими и острыми, но Альма всё терпела. Только когда малышня кусала её за уши, трясла головой. Пёс-ангел смотрел на эти игры со стороны, смотрел то радостно, то печально. Трудно было понять, о чём он думал. Возможно, жалел щенков, что они с детства лишены материнской любви.

Но однажды эти замечательные собаки пропали. Говорили, пёс-ангел куда-то увёл щенков, но куда и почему, никто не знал.

Появилась у Альмы и соперница — взрослая беспородная толстуха из соседнего подъезда. Во дворе её звали Найда, но её хозяин, парень-студент то ли в шутку, то ли всерьёз,

требовал называть её Эльза Францевна. Говорили, что так зовут его тётку, на которую Найда очень похожа. А себя студент называл меломаном. В самом деле, из его квартиры постоянно неслась музыкальная канонада. Соседи студента не раз писали письма в милицию, что «от сумасшедшей музыки нет житья», но власти только разводили руками.

У студента совсем не было времени гулять с Найдой, он только выпускал её из подъезда и тут же возвращался к своей музыке. Найда считалась особенной собакой. Её особенность заключалась в том, что она была домохозяйкой и выходила из дома только по нужде. Она никогда не заглядывала на собачью площадку, не общалась ни с собаками, ни с их хозяевами. Выскочив из дома, словно ошпаренная, разгоняя голубей и кошек, она приседала в определённом месте и вновь подбегала к подъезду. И подавала студенту голос, чтобы он открыл дверь. Но её голос тонул в громких звуках «канонады». Обычно её открывал дверь кто-нибудь из жильцов их подъезда. Одни из собачников (в основном пожилые люди) говорили, что Найда давно оглохла от жуткой музыки безответственного студента, другие (в основном молодые люди), наоборот, были уверены, что она любит музыку хозяина и что у неё классный музыкальный вкус.

Найда с первого взгляда невзлюбила Альму. Увидев соседку-толстуху впервые, Альма пошла было знакомиться с ней, но Найда брезгливо отвернулась и, фыркнув, побежала по своему маршруту. И в последующие дни она демонстративно не замечала Альму. А однажды даже напакостничала — справила нужду у нашего подъезда, давая понять Альме, кто хозяйка в доме. Думаю, она просто завидовала молодости и красоте моей подружки.

Из тех собак, кто имел хозяев, во дворе постоянно прогуливался красавчик далматинец Гоша, который на всех собак смотрел насмешливо, с ироничной ухмылкой. Было ясно, Гоша немного спятил от своих медалей. Ну а главенствовал среди собак полупородный Дик, крутолобый пёс с мощной грудью и суровым взглядом. Об этих молодчиках я ещё расскажу.

Глава двадцать четвёртая ***Брат Альмы.***

Осенью начались дожди. Альма тоскливо смотрела в окно, её тянуло в посёлок, где, как ей казалось, круглогодичное лето, участки, полные цветов, где Гришка с Мишкой, Баксик, приятели по «собачьей школе», где яркая, насыщенная жизнь, как вечный карнавал. Альма то и дело подходила ко мне, тербила лапой, звала на дачу.

Однажды на выходные мы поехали, чтобы «законсервировать» дом. Уже наступил ноябрь, в посёлке было пустынно. Альма озиралась по сторонам, прислушивалась, надеялась увидеть знакомых собак или услышать их лай, но в ветвях только слышалась

трескотня сорок. А тут ещё пошёл дождь, и Альма совсем загрузила. Чтобы немного её развеселить, я приготовил вкусный ужин. Наевшись, Альма потянулась и рыгнула. Я пристыдил её:

— Альма, ну как тебе не стыдно? Веди себя прилично, ведь ты же девушка.

Моя подружка смутилась, стыдливо опустила голову, но тут же приосанилась и, выпятив грудь, хмыкнула: — Это у вас, у людей, рыгать неприлично, а у нас, у собак, означает: «Спасибо, хорошо поела, больше не лезет!»

В доме было холодно, и на ночь я затопил железную печурку. Мы выпались неплохо, а проснулись от перезвона колокольчиков. Я сразу подумал — кто-то из дачников приехал на тарантасе. Летом, бывало, кое-кто из любителей шикануть прикатывал из Истры на лошади с бубенцами и колокольчиками. Но оказалось, ночью ударил мороз, на ветвях образовались сосульки, и, раскачиваясь, они издавали мелодичные звуки.

По пути в город я объяснял Альме, что у каждого времени года своя жизнь, что зима пройдёт быстро, начнётся наше любимое лето и мы снова будем жить в посёлке.

Однажды, во время утренней прогулки, мы с Альмой увидели двух людей в поношенной одежде: сутулого небритого мужчину и симпа-

тичную женщину с усталым лицом. Они копались в мусорных контейнерах, выискивали бутылки и банки из-под пива и складывали их в большие сумки. Странную пару сопровождал молодой кобель, долговязый, худой, но поразительно похожий на Альму. Конечно, моя подружка выглядела упитанной, и шерсть у неё была чистой, блестящей, а у него — грязной, в колтунах. И взгляд у Альмы лучился, а у кобелька был потухший. Но по строению и масти они были похожи как две капли воды. Я подивился такому сходству, а тут ещё Альма вдруг подбежала к кобельку и поцеловала его в ухо. И он ответил ей тем же. Как бы подчёркивая важность момента, женщина подошла к собакам.

— Неужели Трезор встретил свою сестрицу? Надо же, они так похожи! — улыбнувшись, она повернулась ко мне: — Вы случайно не подобрали свою собачку? У школы в прошлом году?

— Подобрал не я, а девчонки. Но действительно, зимой у школы.

— Это мы её там оставили, — тихо произнесла женщина. — Решили, кто-нибудь из школьников возьмёт. И вот, слава Богу, взяли.

Помолчав, женщина рассказала:

— Всего было пять щенков. Четверых разобрали, а эта осталась сиротой.

— Как сиротой? А её мать?

— Она попала под машину. Там, — женщина показала на дома у Кольцевой дороги. — Мы оттуда... Их мать была овчаркой. Служила на складе.

— А отец? — я решил узнать всю родословную Альмы.

Женщина усмехнулась:

— Да один приبلудный хвостатый. Любовь с первого взгляда.

— У вас не найдётся покурить? — обратился ко мне мужчина.

Мы закурили, и я, чтобы завести разговор, несколько бестактно спросил:

— Сколько сейчас платят за бутылки и банки?

Мужчина назвал цены и вдруг спешно заговорил:

— Вы не думайте, что мы какие-то опустившиеся пьяницы. Мы по образованию инженеры, но сейчас, вы же знаете, везде сокращения. Нас уволили, жить было не на что, и мы решили поменять квартиру на меньшую с доплатой, но нас обманули. Фирма, которая делала обмен, оказалась фальшивой. Мы остались без жилья. Теперь мы бомжи, живём в заброшенном сарае.

— Мы подали в суд на тех аферистов, — пояснила женщина, — но уже три года их не

могут найти. И никто не может нам помочь, мы никому не нужны. Вот только Трезор и скрашивает нашу жизнь...

Попрощавшись, мужчина с женщиной направились со двора. Трезор побежал за ними. Я подумал: «Какая разная судьба у Трезора и Альмы. А ведь он мог быть на её месте, а она — на его. И ходила бы сейчас моя подружка по помойкам и ночевала бы в сарае. А Трезор жил бы у меня припеваючи». Многое в жизни зависит от случая.

Вот так я узнал происхождение Альмы и даже познакомился с её братом.

Кстати, и нам, людям, тоже надо знать свои корни — кто были наши деды, бабки. Есть старая истина: если знаешь, откуда идёшь, всегда легче найти свой путь, свою цель.

Глава двадцать пятая
***У Альмы открываются
новые таланты.***

Большинство домашних животных не любят оставаться одни в доме, у них возникает чувство покинутости, а иногда и паника. Особенно в первые дни, когда им кажется, что хозяин ушёл навсегда. Потом-то они привыкают к тому, что хозяин время от времени уходит из дома, но всё равно в одиночестве сильно скучают.

Альме было слишком хорошо знакомо чувство одиночества, ведь она всё детство просидела на привязи, ни с кем не общаясь, видя хозяина лишь от случая к случаю. Именно поэтому она очень болезненно пе-

реживала, когда я уходил. На участке всё было проще — если я или брат ненадолго отправлялись к соседям, Альма, во-первых, видела, куда мы пошли, а во-вторых, на участке оставался автомобиль, и Альма отлично знала, что без него мы никуда не уедем. Другое дело в городе.

Первое время в квартире Альма ходила за мной, как привязанная: я шёл из комнаты в комнату — и она за мной по пятам; я направлялся на кухню или в ванную — и она следом. А когда я работал за столом, непременно ложилась на тахту напротив и не спускала с меня глаз, следила, чтобы я никуда не ушёл. Причём ложилась на то место, где я иногда днём на часик прикладывался, чтобы ощущать мой запах (стоит ли говорить, что я для неё значил много, очень много. Как и она для меня).

Бывало, на тахте Альму одолевала дремота, она долго боролась со сном, но потом не выдерживала, уходила в коридор и укладывалась у входной двери — не дай Бог, я уйду незаметно. Как только я заикался, что должен уйти по делам, Альма начинала скулить: — Возьми и меня с собой! Я объяснял ей, что никак не могу её взять, что скоро вернусь и принесу ей чего-нибудь вкусенького, но она недовольно шмыгала носом. Ну

а возвращаясь, я ещё издали видел — Альма сидит на балконе и нетерпеливо вглядывается в улицу.

Но вскоре всё изменилось — Альма нашла себе занятие в моё отсутствие. Однажды, когда я пришёл домой, она встретила меня радостным лаем и кивнула на комнаты: — Посмотри, как я прибралась! Я оглядел квартиру и ахнул — пол был натёрт до блеска, на стульях и тумбочке ни соринки, ни пылинки, моя обувь не валяется кое-как, а расставлена аккуратно, ботинок к ботинку, тапок к тапку. Вдобавок и на балконе, где у меня всегда был кавардак, скопище разного барахла, Альма навела порядок. Словом, она показала себя образцовой домохозяйкой, превратила мою захламлённую квартиру — ну не в номер люкс, конечно, но уж точно в номер первого класса. Я хвалил свою подружку от всей души.

Оставаясь дома без меня, Альма не теряла времени даром — не только прибиралась в квартире, но и занималась самообразованием: просматривала книги о животных, слушала музыку по радио и танцевала. Она блестяще показала себя в танцах под пластинки ещё в «Собачьей школе» и теперь только совершенствовала мастерство, даже

изучила горячий танец в стиле «фламенко». Этот танец она танцевала особенно зажигательно. Она вообще была очень эмоциональной: веселилась так веселилась — казалось, из её глаз брызжут искры, а если грустила, то, честное слово, вокруг всё тускнело и даже солнечный день казался пасмурным.

Глава двадцать шестая
***Половодье. Мы с Альмой
в ледяной воде. Художник Валерий
Дмитрюк.***

Весной Альма сбросила зимнюю шубу — проще говоря, полиняла, и сразу вроде бы похудела. На самом деле стала изящней. Весна вселила в неё радостное беспокойство: она то и дело выходила на балкон, прислушивалась к гомону птиц, принюхивалась к запахам сохнувшей земли, во время прогулки оживлённо рассматривала первые травы, жуков и бабочек и, глядя на меня, вопрошала: — Когда мы поедем на дачу?

А у меня была срочная работа. Только в конце апреля мы выехали из города. По пу-

ти я решил заехать в Снегири, где жил мой закадычный друг художник Валерий Андреевич Дмитрюк — давно его, старикашку, не видел, да и Альму хотел познакомить с ним, тем более что по телефону уже рассказывал о ней. Свернув с шоссе, мы покатали по размытой, ухабистой дороге вдоль реки Истры, на которой уже началось половодье — точнее, оно было в самом разгаре. Мы уже почти подъехали к дому художника, осталось преодолеть не больше километра, как вдруг увидели — по реке медленно плывет... летний дом! Наполовину затопленный щитовой дом с дымящейся трубой! Его можно было принять за какой-то комичный пароходишко, но рядом с домом на крыше своей будки в панике топтался и выл маленький лопухий пёс. Он был на цепи, а вода уже почти скрыла его жилище.

— В доме топится печь, там могут быть люди, — сказал я Альме, резко останавливая машину.

Альма кивнула: — Кто-нибудь там спит или больной!

Мы выскочили из машины и побежали наперерез подплывающему дому. У реки я сбросил ботинки, скинул одежду и ринулся в воду. Альма, не колеблясь, прыгнула за мной. Холодная вода прямо-таки обжигала, но дом находился всего в пяти—семи метрах от берега,

мне даже не пришлось плыть, я подобрался к нему, когда воды было лишь по грудь. Но Альме, конечно, пришлось потрудиться. Я-то ухватился за оконную раму и стал подтягивать дом к берегу, а моя подружка всё это время барахталась около будки собаки, пытаюсь отодрать цепь. Бедняга лопухий уже не выл, только поскуливал; он был весь мокрый и дрожал от холода и страха. Только теперь я заметил, что будка приколочена к стене дома, и понял, почему она до сих пор не утопила собаку, хотя было ясно — это произойдёт, как только дом ещё больше погрузится в воду. Но у нас было немного времени.

— Альма, надо расстегнуть ошейник! Я сам это сделаю! — отдуваясь бормотал я.

Альма попыталась залезть на будку, но у неё не получилось, и она продолжила возиться с цепью, не отплывая от конуры, готовая в любую минуту прийти лопухому на помощь.

Вскоре мы очутились на мелководье, и дом уткнулся в песок. Я первым делом открыл дверь дома. К счастью, в нём никого не было. На полу от хлеставшей воды шипела железная печурка.

Затем я отстегнул цепь от ошейника собаки. Пёс сразу прыгнул в воду и скачками понёсся к берегу, а когда и мы с Альмой

выбрались из воды, подбежал и лизнул мне руку, а Альму чмокнул в ухо (если вы не знаете, сообщаю: собаки целуют друг друга в уши).

Третьим делом я нашёл в доме сухую скатерть и как следует вытер Альму и лопоухого. Затем и о себе позаботился — у меня от холода уже зуб на зуб не попадал. И только я оделся, как послышались крики — по берегу с верховья реки бежал мужчина без шапки в распахнутой телогрейке. Ему навстречу бросился спасённый нами пёс. Подбежав, мужчина швырнул на землю верёвку с крюком и, задыхаясь, прерывисто заговорил:

— Вот... колол дрова в сарае... И на моих глазах жилище соскользнуло с фундамента в воду... Пока делал «кошку» — он кивнул на верёвку, — его уже понесло...

Отдышавшись, мужчина пожал мне руку:

— Не знаю, как тебя и благодарить.

— О чём ты говоришь, — отмахнулся я. — Дом всё равно прибило бы к берегу.

— Может, и прибило бы. А скорее, затонул бы посреди реки. И Тузик захлебнулся бы, — мужчина погладил лопоухого, который, повизгивая, крутился у ног хозяина. — Так что огромное тебе спасибо!

Альма гавкнула: — Я тоже спасала Тузика. И это было правдой. Пусть она не спра-

вилась с цепью, но её упорство многого стоит, верно? Ведь готовность к подвигу равна подвигу.

— И ей большое спасибо! — поспешно сказал мужчина, когда я пояснил ему значение Альмино гавканья. Он поднял брошенную верёвку и крепко привязал дом к ближайшему дереву.

— Ну вот, теперь никуда не денется... Сейчас пойду в деревню, соберу мужиков, подгоним кран, обвяжем тросом, и на трайлер.

Само собой, мы отвезли мужчину с Тузиком в деревню, причём Тузик не хотел лезть в машину, несмотря на уговоры, мотал головой — мол, мне привычней на своих четырёх, очень надо нюхать бензин в железной коробке! Но Альма всё же его уговорила — спрыгнула с сиденья и что-то шепнула ему, и он сразу полез в машину.

Когда мы въехали в деревню, мужчина показал на сарай под огромной ивой:

— Вон мой участок. Теперь дом поставлю подальше от реки и на сваях... Приезжай, всегда буду рад. Ещё раз благодарю!

Мы с Альмой вернулись в Снегири, и у нас была замечательная встреча с Дмитриюком. Особенно замечательной она была для Альмы, ведь у моего друга жили три собаки: маленький старый, весь белесый, с се-

дыми усами Трофим и две овчарки среднего возраста Гуля и Марья. Дачу Дмитриюка редко посещали гости, а тут я, которого собаки давно знали и, чего скрывать, любили, да ещё не один, а с красоткой подружкой. Понятно, собаки встретили нас радостным лаем и, пока мы шли к дому, крутились вокруг нас и так и сяк.

— Хм, какая необычная собака! — удивился Дмитриюк, рассматривая Альму. — Надо же, такая рыжуха! И вся светится! Даже на участке стало светлее. Солнечная собака — не иначе!

Дмитрюк напоил меня горячим чаем с малиновым вареньем, Альму угостил ливерной колбасой. Пока я рассказывал, как мы спасали плывущий дом, мой друг то и дело удивлялся:

— Ну и ну! Да вы с Альмой настоящие «моржи»! Небось, по утрам холодной водой обливаетесь?!

— Все мы должны помогать друг другу, — важно произнёс я.

Подтверждая мои слова, Альма гавкнула: — В жизни надо думать не только о себе.

— Мне нравится полёт ваших мыслей, — со значением провозгласил Дмитриюк. — Я тоже недавно кое-кого спас... Недалеко от молочной фермы увидел собаку... с бидоном

на голове. «Сметанки захотела, залезла с башкой, а вылезти не может», — решил я. Подошёл, начал стаскивать бидон с головы попавшего впросак пса. Он упирается, помогает мне. Но тут я заметил необычно пушистый хвост, а стянув бидон, увидел узкую морду, перепачканную сметаной. Смотрю — да это лисица! Секунду мы с ней смотрели друг на друга, потом она отпрыгнула в сторону и дунула к лесу. Такой случай...

Пока мы чаёвничали в доме, хвостатая команда Дмитриюка нетерпеливо топталась у террасы, заглядывала в окна, подавала голос — мол, Альма, выходи, поиграем!

Альма не заставила себя ждать, дослушав рассказ Дмитриюка, открыла дверь и выбежала к собратьям.

Часа два она с новыми друзьями бегала по участку, а он был большущий, и там имелось немало примечательного: высоченные сосны с толстыми корнями, как пожарные рукава, множество кустов с неопавшей листвой, беседка и ручей с перекинутыми через него досками — ручей пересекал весь участок и впадал в Истру. Там было где развернуться для собачьих игр.

Я изредка посматривал в окно. Альма, Гуля и Марья скачками носились меж кустов и деревьев, перепрыгивали через ручей.

Старый Тимофей еле поспевал за ними — пыхтел, высунув язык, останавливался отдышаться, ручей не перепрыгивал, а переходил по доскам. Альма была главной заводилой в этой компании, веселье в ней било через край. Я смотрел на неё и думал — как хорошо, что она почти забыла о своём ужасном детстве, что моя забота о ней и наша дружба смогли излечить её душевную травму.

Собаки играли, а Дмитриук показывал мне свои последние работы и воодушевлённо рассуждал:

— ...В творчестве главное что?

— Вдохновение! — вставлял я.

— Это само собой. Это и мои собаки знают. Но вдохновенно можно создавать и неважные произведения. Главное — вкус автора. Его чутьё, вот что главное. И надо вкладывать в работу всю душу. Только тогда она затронет других... Вот почему один и тот же пейзаж художники пишут по-разному? Одну и ту же историю один писатель опишет хорошо, а другой — так себе, почему?

— Один талантливый, другой не очень, — снова отзывался я.

— Это яснее ясного. Это и мои собаки знают. Но вся загвоздка — в нюансах. Мастер любую слабую картину расцветит, облагородит. Добавит два-три мазка, и вещь за-

играет. Мастер вставит в слабый рассказ несколько словечек, и всё оживляется. Такое волшебство!.. В нюансах всё дело, в оттенках, полутонах, интонациях. И со стороны кажется — такая работа сделана легко и просто, без особых усилий. Но это кажущиеся лёгкость и простота. Чтобы достичь этого, мастеру понадобился весь опыт, вся жизнь. Дело в том, что настоящего мастерства не видно — в этом весь фокус!

— Ну это каждому известно, — протянул я. — Это и моя Альма знает.

Глава двадцать седьмая
У Рахманова.

На даче за зиму всё отсырело. Мы с Альмой, прежде всего, растопили нашу прожорливую печурку и вынесли на солнце постельные принадлежности. Потом я готовил обед, а моя подружка придирчиво обследовала участки и, убедившись, что всё находится на своих местах, стала всматриваться в участки соседей, подзывать Гришку с Мишкой. Пришлось ей объяснять, что ребята ещё не приехали, у них ещё не начались летние каникулы.

— Тогда пошли к Баксику, — Альма кивнула в сторону дома Рахманова. Ей не терпелось пообщаться с друзьями, которых она не видела полгода.

— Баксика навестим обязательно. Сразу после обеда, — заверил я Альму.

Рахманов и Баксик встретили нас с ликованием. Баксик, привстав на задние лапы, поцеловал Альму в ухо; после взаимного обнюхивания и приветствий они уселись в тени дома, и Альма стала что-то рассказывать своему другу (наверняка, как мы спасали дом и Тузика). Со стороны они выглядели смешной парочкой — большая гладкошёрстная девушка и маленький пушистый паренёк.

Рахманов, обняв меня, сразу повел в сарай (огромный, с автобус), где, по его словам, «мастрячил нечто интересное». Кстати, он, мастеровитый, никогда не сидел без дела, но в те весенние дни поразил меня — он строил дельтаплан!

— Вот осталось пристроить мотоциклетный моторчик — и аппарат готов, — с гордостью произнёс мой друг.

— Ты решил ловить молнии новым способом? — пошутил я.

Рахманов напыжился и храбро объявил:

— Я решил слетать на противоположную сторону водохранилища.

— Слтай лучше в Истру и купи нам с Альмой шампанское и торт, мы сегодня заслужили королевский подарок.

Мы присели на лавку, и я подробно рассказал, как мы с Альмой спасали дом и собаку. Рахманов слушал меня безучастно, что-то чертил палкой на земле (по-моему, моторчик для дельтаплана). Не в пример своему хозяину, Баксик продолжал слушать Альму предельно внимательно.

Когда я закончил рассказ, Рахманов медленно произнёс:

— Это, конечно, тебе зачтётся на небесах, но это не поступок, а лишь небольшое действие. Так поступил бы каждый нормальный человек. Это не тянет на шампанское, но могу тебя угостить квасом. Альме вместо торта дам сырник. Таисия, перед тем, как мне ехать сюда, много их напекла. Мы с Баксиком любим сырники, — с этими словами он достал из холодильника бутылку кваса и сырники и посвистел собакам. Когда они подбежали, он сунул им по творожной лепёшке и почтительно обратился к моей подруге:

— Ты Альма молодец, девушка скромная, а вот твой хозяин любит похвастаться, выставить себя героем, — он повернулся ко мне и с воодушевлением затараторил:

— Я заметил, с тобой вечно случаются водные приключения. В прошлом году залез в болото, сегодня искупался в холодной реке. Тебя тянет к воде, потому что по горо-

скопу ты Скорпион, водный знак. Потому же у тебя и характер скверный.

Рахманов разлил квас по стаканам, отхлебнул напиток, крикнул и продолжил, но уже миролюбиво:

— Дом и собака на реке напомнили мне случай на море. О нём рассказывал отец, он во время войны служил на подводной лодке... Однажды они торпедировали немецкий транспорт. Всплыли и видят — судно уходит под воду, а вокруг плавают коровы. Оказалось, транспорт перевозил животных... У них на глазах коровы захлёбывались и тонули, а один бык направился к подлодке, решил забраться на неё, спастись. Командир дал команду уходить. Включили двигатели, лодка стала удаляться, а бык ещё долго плыл за ней...

Рахманов допил квас и вновь заговорил уже тихим голосом:

— Во время войны чего только не было. Что касается собак... Я где-то читал — тысячи собак забирали у хозяев. Их обучали искать мины, бросаться под танки с взрывчаткой. Иногда хозяевам писали о погибшей собаке, но чаще не сообщали... Ты же знаешь, многие собаки были и санитарями, вытаскивали раненых с поля боя. Но может, не знаешь, что после войны оставшихся собак демобилизовали вместе с солдатами. Соба-

ки, искавшие мины, даже прошли по Красной площади. А вот собак-санитаров всех отправили на опыты в медицинские институты. Так их отблагодарили за мужество и верную службу. Позорище!

В словах Рахманова было много горечи. Естественно, эта горечь передалась и мне, ведь у нас общая любовь к собакам. Остроглазая, наблюдательная Альма сразу заметила моё состояние, встревожилась и, чтобы поднять мой слабеющий дух, подбежала с палкой в зубах — давай поиграем!

Баксик, подражая Альме, принёс своему хозяину щепку. Мы с Рахмановым повеселились, стали кидать палку и щепку к забору, а собаки снова притаскивали их к дому; они бежали взад-вперёд с невероятной радостью.

— Для Баксика играть со мной — высшее счастье, настоящий праздник, — сказал Рахманов. — Жена Таисия ко мне только хорошо относится, а Баксик не может жить без меня. Я для него — всё, как Пушкин для меня.

— Альма меня тоже сильно любит, — сказал я и вспомнил Габриэля Маркеса: «В этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты — весь мир».

— Альма удивительно талантливая, — продолжил я. — Ты не поверишь, но она прекрасно поёт.

— Охотно верю, — пропыхтел Рахманов. — В посёлке, где я жил студентом, был целый собачий хор. Только зазвонит церковный колокол, начинают петь. Вернее, выть. А дело в том, что до этого был пожар и колоколом собирали людей на тушение.

Провожая нас, Рахманов сказал:

— Я здесь недавно, всего три дня. За городом ещё холодно, но мне не терпится доделать дельтаплан. В посёлке пока пусто, но Нежданов вчера приезжал. Заглянул по пути из монастыря. У него неприятность: опять в церкви кража. Стащили подсвечники. Он подозревает одного типа, но нет доказательств. У церкви часто околачивается какой-то Тихон. Прихожане видели, как на прошлую Пасху этот Тихон своровал кулич из церкви.

Услышав слово «Тихон», Альма сердито залаяла.

Глава двадцать восьмая
На рынке в Истре.

На следующий день мы с Альмой поехали на рынок в Истру — я решил купить толь, чтобы починить крышу в сарае-мастерской. Мы подъехали к рынку, вышли из машины, я взял Альму за поводок, и тут с ней случилось невообразимое. Задрав голову она принюхалась, уловила в воздухе какой-то запах и вдруг, вздыбив шерсть на загривке и рыкнув, потащила меня в гущу посетителей рынка. Лавируя меж покупателями, продавцами и просто ротозеями, она напористо тащила меня мимо лавок с одеждой и лотков с овощами, и «пятак»», где продавали саженцы и цветы в горшках. Она даже

пронеслась мимо магазина «Стройматериалы», ради которого мы и приехали на рынок. В отличие от профессиональных ищеек, Альма вела меня не по следу, а по запаху в воздухе — по какому-то единственному запаху из сотни других. Высунув язык, нетерпеливо повизгивая, она настойчиво тянула меня к чему-то крайне важному, по её мнению. Я еле поспевал за ней; несколько раз натыкался на людей, извинялся; вслед мне летели ругательства. А когда я чуть не сшиб старушку с кочаном капусты, слышались крики:

— Держите его! Милиция!

За нами погнался охранник, но мы уже успели проскочить насквозь весь рынок. Альма остановилась у «барахолки», где на ящиках и прямо на земле лежал слесарный инструмент, всевозможные трубы и краны, мотки проволоки, гайки, болты. Все эти штуковины были не первой свежести (то есть уже побывали в деле, местами «цвели» — попросту ржавели), но зато продавались дёшево.

Остановившись, Альма прищурилась, завертела головой в разные стороны, потом вдруг с невероятной прытью ринулась к бородатому мужчине, покуривающему на табурете. Это был... Тихон. Перед ним на газе-

те я увидел чайную посуду, утюг, фонарь и... сверкающие бронзой подсвечники!

Подбежав к Тихону, Альма яростно гавкнула и, обернувшись ко мне, лапой указала на подсвечники и провыла: — Это он украл! На них запах священника Владимира Нежданова!

— Эти вещи из церкви! — твёрдо заявил я, глядя прямо в глаза Тихону.

Он посмотрел на меня исподлобья и замахнулся на Альму:

— А ну пошли отсюдова куда подальше! — прохрипел и с отвращением сплюнул. Он явно нас не узнал.

— Собирай вещички, пойдём в милицию! — ещё более твёрдо сказал я.

И в этот момент мне на плечо легла чья-то тяжёлая рука. За мной стоял запыхавшийся охранник.

— Документы! — потребовал он грозным голосом.

Альма стала возбуждённо лаять на охранника, объясняя ему, что к чему.

— Не волнуйся, дорогая, — сказал я. — Сейчас во всём разберёмся.

Протянув охраннику водительское удостоверение, я кивнул на Тихона:

— Этот человек — вор! Моя собака не может ошибаться.

— У вас есть доказательства? — резко спросил охранник, рассматривая моё удостоверение.

— Эти подсвечники из церкви. Это подтвердит священник Владимир Нежданов.

— Отца Владимира знаю, — меняя тон на более мягкий, сказал охранник и, вернув мне документ, обратился к Тихону: — Собирай вещички, пойдём в отделение, выясним, откуда у тебя товар.

Тихон начал было артачиться, говорил, что ему пора заступать на работу, пожаловался на больные ноги...

— Собирайся! — приказал охранник, хватая Тихона за плечо.

— Собирайся! — рывкнула Альма — горькая память, обида и злость не на шутку распалили её. Когда Тихон, ворча и ругаясь, наконец уложил в сумку вещи и поднялся, Альма попыталась цапнуть его за ботинок, но я удержал её на поводке.

Немного успокоившись, Альма сообщила мне: — Тихон и в посёлке воровал вещи и прятал их за моей коробкой в «огороде».

Позднее это подтвердил и Нежданов. Он сказал нам с Рахмановым:

— Альма — молодец, вывела на чистую воду этого Тихона. У него провели обыск

и обнаружили нашу икону и немало чужих вещей. Даже нашли ордена фронтовиков, представляете? Выяснилось, он воровал и в посёлке, где работал сторожем. Теперь будет замаливать грехи за решёткой.

Глава двадцать девятая
Маркиза. Мечты Мишки и Гришки.

С наступлением тёплых дней мы с Альмой приезжали на дачу в пятницу, а возвращались в город в понедельник. Прошлым летом Альма притаскивала мне для лечения птенца, бельчонка. У неё было повышенное чувство сострадания, жалости к другим животным. Вот и в эти первые дни лета она принесла котёнка — маленькое существо, которое умещалось у меня на ладони. Котёнок был чёрный с белой отметиной на груди. Он жалобно мяукал, его жёлтые глаза выражали страх. Только очутившись у меня на руках, он успокоился, уткнулся в мою шею и стал лизать мне ухо.

Под участливым взглядом Альмы я осмотрел котёнка и понял — его надо не лечить, а кормить, и предложил ему четыре блюда: молоко, творог, геркулесовую кашу и кусочки сосиски. Чёрный комок стал жадно поглощать еду и прямо на глазах раздуваться. И что вы думаете? Он слопал всё! А наевшись, полез ко мне на руки и, только я взял его, как он заурчал и уснул.

— Ну что, Альма, придётся нам с тобой этого найдёныша оставить у себя. Не выбрасывать же его на улицу, — сказал я, укладывая котёнка на тахту.

— Конечно, оставим, я буду заботиться о нём, — откликнулась Альма.

Котёнок оказался девицей, и я стал придумывать ей имя. В это время, как нельзя кстати, в посёлок привезли Гришку с Мишкой. Понятно, они сразу бросились обнимать и гладить Альму. И она, соскучившись по своим приятелям, всячески выказывала радость встречи.

— Альма стала такая большая, прикольная, — приговаривал Гришка.

— Большая и классная, — вторил ему Мишка, тиская Альму, и вдруг в порыве чувств заявил: — Ты, дядь Лёнь, не обижайся, но Альму я люблю больше, чем тебя.

Я засмеялся:

— Чего ж тут обижаться? Прекрасно всё понимаю. Я в детстве тоже больше всех любил собак. Даже больше родителей. Они постоянно заставляли меня работать. Поливать и полоть огород, а с собаками я носился по двору, играл в разные игры.

В этот момент Альма позвала ребят в дом.

— У нас там новая зверюшка, — пояснил я. — Альма принесла. Котёнок девочка. Ещё не придумал ей имя. Может, вы придумаете?

Ребята вбежали в дом и уставились на спящего котёнка.

— Её надо назвать Муркой, — выпалил Гришка.

— Ну Мурка уж очень обычно, — заявил я. — Такой красивый котёнок достоин красивого имени.

— Назовите Маркизой, — предложил Миша. — У бабушки была кошка Маркиза.

— Красивое имя, — согласился я. — Правда, Альма?

Альма кивнула и звучно протянула: — Мар-ки-за!

Так у нас появился новый член семьи.

Маркиза всё время ходила за Альмой и во всём ей подражала. В общем, они крепко подружились и полюбили друг друга, даже целовались по двадцать раз на день. Альма

отнеслась к Маркизе, как к младшей сестричке: вылизывала её, обучала правилам поведения в доме и на участке, оберегала от неприятностей.

Однажды Маркиза решила поймать осу и в прыжке пыталась зацепить насекомое лапой. Альма тут же схватила «охотницу» за загривок и унесла в дом. В другой раз Маркиза увидела на улице какую-то разгуливающую собаку и, решив познакомиться, полезла под изгородь. Альма еле успела её схватить и потом долго бурчала — объясняла несмыслёной сестричке, к кому можно подходить, а к кому нельзя. Похоже, Маркиза ничего не поняла из того, что ей втолковывала Альма, потому что всё же несколько раз выбегала на улицу. Случалось, заглядывала и на соседние участки, она была очень любопытной. Заметив её исчезновение, я говорил Альме:

— Ищи Маркизу!

Исполнительная Альма бросалась на поиски и в два счёта находила сестричку. И как всегда, не только по следам, но и по запаху в воздухе.

Здесь надо сделать отступление: кошка, живущая вместе с собакой, часто и других собак принимает за друзей, и, случается, это приводит к трагедиям. То же самое происхо-

дит и с дикими животными, которых приучил человек, а потом выпустил на свободу: они не боятся людей, даже тянутся к ним и становятся лёгкой добычей охотников.

В городской квартире Маркиза освоилась сразу: быстро поняла, что кошачья еда не на кухонном столе, а под столом в блюде, что её лоток в туалете, а спать можно на тахте со мной и Альмой.

По вечерам мы втроём смотрели телевизор. Маркиза уже через пять минут начинала зевать, потом и вовсе забиралась на телевизор и грелась на тёплом каркасе. Ещё через несколько минут она засыпала. Во сне потягивалась и сваливалась на пол. Альма тут же подбегала, обнюхивала сестричку — всё ли с ней в порядке? Но Маркиза всегда приземлялась на лапы и, осмотревшись и сообразив, что к чему, снова запрыгивала на телевизор. Кстати, иногда ночью она сваливалась и с тахты — мы с Альмой просыпались от громкого шлепка. Честное слово, она была чемпионкой по паданию во сне.

Альма обычно долго сидела со мной перед телевизором, но смотрела не на экран, а на стену, где висели фотографии Челкаша и Дыма. Надо сказать, я часто рассказывал Альме о своих лохматых «братьях», показывал ей альбомы с фотографиями наших пу-

тешествий, и, думаю, она представляла нас великими путешественниками и гордилась Челкашом и Дымом, как гордятся знаменитыми родственниками.

Перед сном я непременно гладил своих четвероногих девчонок — и чтобы им снились приятные сны, и чтобы снять своё напряжение, накопившееся за день. За этими поглаживаниями и Альма, и Маркиза ревностно следили, и, если я слишком долго гладил одну, другая начинала «бодать» мою руку — мол, не забывай обо мне!

Как и на участке, в квартире Маркиза то и дело отправлялась «на прогулку» — на этот раз на смежный балкон, владения соседних кошек: серой Марыси и разноцветной Кассандры. Хвостатые соседки вначале встретили появление чёрного котёнка поразному. Строгая Марыся даже решила устроить Маркизе взбучку, но вскоре поняла, что маленькая новоявленная соседка неравноценный противник, и стала относиться к ней снисходительно-равнодушно. Правда, иногда всё же играла с Маркизой в «салки» — кто кого первым шлёпнет по лапе.

Тихоня Кассандра сразу восприняла Маркизу, как приятельницу-малолетку, как пополнение в их кошачьем обществе. Кассандра с Маркизой играли в «догонялы» —

бегали по балконам и квартире соседей. В нашу квартиру Кассандра не забежала — побаивалась Альмы. И Марыся, и Кассандра прекрасно знали, что Альма — телохранитель Маркизы и, общаясь с котёнком, не забывали поглядывать на нашу балконную дверь. Стоило Маркизе тревожно мяукнуть, как на балкон выскакивала Альма и грозно посматривала на соседок. Понятно, они сразу улепётывали в комнаты.

Я тоже играл с Маркизой в «салки» и «догонялы» и водил по полу «мышку» — скомканный клочок бумаги на нитке. На эту последнюю игру Альма смотрела с усмешкой, было ясно — она считает Маркизу глупой, а меня обманщиком, который выдает бумагу за живую мышь и тем самым дурачит её сестричку. Несколько раз Альма даже подбегала и легонько покусывала меня за пятку.

Когда Маркиза немного повзрослела, мы стали втроём играть в «волейбол»: я выполнял роль подающего игрока, Маркиза — бьющего, Альма — ловящего. Это был цирковой номер. Маркиза пряталась за спинку стула, я подкидывал к ней шарик из фольги. Маркиза мгновенно выглядывала из-за спинки и лапой била по шарiku, да так сильно, что шарик летел через всю комнату. Альма подпрыгивала и ловила его. Раз десять

я кидал шарик, и Маркиза с Альмой ни разу не промахивались. Что и говорить, у игроков моей команды была отменная реакция. И азарта — хоть отбавляй! Надо было видеть, как в ожидании моего броска, притаившись, Маркиза вся дрожала от нетерпения, даже выпускала когти из подушечек лап, а попав по «мячу», прямо задыхалась от восторга. Альма играла не менее страстно. Ей приходилось особенно трудновато — попробуй угадай, куда Маркиза запулит «мяч»! В страшном возбуждении Альма топталась на месте, вертела головой из стороны в сторону, но, куда бы «мяч» ни летел, ловила его и с победоносным видом вручала мне.

Как и в предыдущее лето, на участке мы играли в футбол — Гришка с Мишкой и мы с Альмой. Маркиза была зрителем, забираясь на дерево и сверху наблюдала за игрой. За прошедшее время Альма окрепла, и в игре демонстрировала ещё большую ловкость, чем прежде. Можно сказать, она играла сама с собой, а мы бегали за ней и любовались её трюками.

После футбола купались в пожарном водоёме или просто сидели на лавке перед домом, и Гришка с Мишкой рассказывали о школе и как вообще провели минувший год. Однажды мы засиделись до темноты, когда уже по-

явились ночные мотыльки, зажглись первые звёзды. Альма, задрав голову, долго смотрела на далёкие огоньки и вдруг завывала.

— Подаёт сигналы в космос, — тревожно произнёс Мишка.

— Возможно, возможно, — согласился я.

— Когда вырасту, стану космонавтом, — помолчав, добавил Мишка.

Альма с восхищением взглянула на мальчишку и одобрительно кивнула.

— А я хочу стать спортсменом, — сказал Гришка. — Или буду работать в банке.

— Зачем? — спросил я.

— Там много денег, — объяснил Гришка.

— Но их же нельзя брать.

— А я буду понемногу. На мороженое.

Альма изобразила презрительную гримасу и фыркнула.

Глава тридцатая
У Альмы появляются поклонники.

Альме исполнилось два с половиной года, у неё заканчивался подростковый возраст, она становилась девушкой. Красивой девушкой с рыже-палевой искрящейся шерстью и карими глазами. Теперь она часто задерживалась перед зеркалом, пытливо осматривала себя, прихорашивалась, украшала голову лентами, но, будучи застенчивой барышней, проделывала это, когда меня не было поблизости. Заметив, что я подхожу, быстро прятала ленты и отбегала от зеркала.

Теперь во время прогулок нас постоянно сопровождали поклонники Альмы. В городе у подъезда ежедневно «дежурил» Дик, имевший

неважную репутацию задиристого и зловредного пса. С большими собаками он частенько дрался, маленьких пугал — подкрадывался сзади и, оскалившись, клацал зубами. Кривоногий, губастый, с большой гривой, он обычно развязно шастал по двору без хозяев; его выпускали с наказом не покидать пределов двора. Кроме львиной гривы, у Дика и взгляд был, как у льва, — холодный и грозный. Перед его взглядом и гривой не могла устоять ни одна собака-девица.

Уверенный в своей неотразимости, Дик долго пялился на Альму, гипнотизировал её взглядом, а потом подошёл и положил лапу ей на загривок. Понятно, Альме не понравилась такая бесцеремонность, она нахмурилась и показала наглцу зубы, давая понять, что она порядочная и строгая девушка, а не какая-то там вертихвостка. Дик отошёл, но, как только мы с Альмой направились к лужайке выгула, поплёлся за нами и всё норовил понюхать Альму сзади. Он вёл себя непристойно, можно даже сказать нахально.

Здесь замечу — Альма вообще не любила, когда её обнюхивали, а обнюхивание под хвостом считала верхом наглости. Вот и тогда она обернулась и рывкнула, отгоняя настырного ухажёра. Дик застыл от неожиданности. Он привык к победам, и вдруг такое

поражение да на глазах всего собачьего общества. Со злости он плюнул — тоже мне недотрога! — и, униженный и оскорблённый, заковылял к дому.

Второго поклонника, далматинца Гошу, по двору водила хозяйка, которая постоянно меняла платья и шляпы с «огородом» (с бумажными цветами), на ней всегда висело килограммов пять украшений.

Гоша под стать хозяйке щеголял шикарным ошейником и медалями и не ходил, а величаво вышагивал. Со слов хозяйки, было известно, что он внимательно относился к своему здоровью: больше, чем надо, не ел, опасался сквозняков, на реке, не зная глубины, в воду не входил, только любовался своим отражением.

Увешанный наградами за экстерьер (то есть за внешность), утомлённый славой, Гоша непомерно гордился своим происхождением и ни с кем из собак не общался — считал ниже своего достоинства. На лужайке выгула он обычно сидел и со скупающей физиономией посматривал на играющих собак. Только когда появлялась Альма, он оживал — привстав, начинал вертеть хвостом, топтаться, облизываться, при этом и так и сяк выпячивал грудь, стараясь поразить Альму медалями. Хозяйка спускала его с поводка, со словами:

— Иди, поиграй с Альмой! Она, кажется, неплохая собачка.

Но Альма не изъявляла никакого желания играть с этим Гошей. — Вот ещё, играть с ним! — говорила мне. — Только и знает хвастаться медалями. И вообще, что за пёс, который слишком много времени уделяет своей внешности!

В общем, Гоша ходил за Альмой, заигрывал, поскуливал, выпячивал грудь, показывая награды, но Альма оставалась безучастной. А когда Гоша стал особенно назойливо приставать, развернулась и ударила его попой (в дальнейшем она не раз применяла этот приём). Понятно, самовлюблённый Гоша обиделся на Альму. Но ещё больше обиделась его хозяйка. До этого она не раз говорила мне:

— Гоша — кавалер видный. И Альма на вид симпатичная. Я уверена, они подружатся, Гоша улучшит породу Альминых щенков.

И вдруг эта хозяйка возмущённо кричит:

— Гоша, отойди от этой нахалки! Она должна считать за честь, что ты обратил на неё внимание! Дура набитая! Не знает, где её счастье! Пойдём, дорогой, домой! Пусть теперь она льёт по тебе слёзы!

Часто за Альмой увивались ещё два дыхателя из числа «элитных» собак: шарпей Макс — пёс со множеством складок на мор-

де, и похожий на тыкву бульдог Босс. Оба, завидев Альму, спешили к ней и улыбались, распустив слюни. Но, если у Макса улыбка была как улыбка, то у Босса получался оскал — казалось, того и гляди, цапнет. Как ухажёры, и шарпей, и бульдог показали себя не лучшим образом. Макс то и дело подпрыгивал перед носом Альмы, пытаясь поразить её прыжками, а Босс всякий раз предлагал моей подружке бодаться. Эти балбесы не понимали, что подобными штучками Альму не заинтересовать.

В посёлке у Альмы тоже поклонников хватало. Прежде всего ими стали бывшие ученики «собачьей школы». С утра эта гвардия топталась у нашей калитки. Появлялся и малыш Баксик. Он был раз в пять меньше Альмы — пробегал под её животом, тем не менее Рахманов называл его Альминым женихом. Жизнерадостный весельчак, Баксик раньше воспринимал Альму, как товарища по играм, а теперь вдруг ему стало не до игр — словно замороженный, он смотрел на мою подружку и на все попытки Альмы поиграть с ним робко вилял хвостом, вздыхал и отходил в сторону. При встрече Рахманов стыдил Альму:

— Что ты сделала со своим женихом? Он страдает от неразделённой любви, потерял аппетит...

Альма смущённо опускала голову: — Бак-сик мой хороший друг. Ни Рахманов, ни я не знали, кто был её тайным избранником. И сам избранник не знал. Не знал, что именно ему принадлежит сердце Альмы. Сердце первой красавицы посёлка. Ему вообще не было дела до какой-то там любви, он не тратил время на пустяки, всякие ухаживания, поцелуйки. Он занимался серьёзным делом — «работал» спасателем на водохранилище и надзирал за порядком в нашем посёлке. Заметит мусор у дома, сердито лает хриплым басом — требует, чтобы хозяева убрали. Вы, конечно, поняли, что этим парнем был деревенский здоровяк Вова, немолодой пёс с больным глазом.

Вова не был красавцем и не следил за своей внешностью, на его сбитой шерсти висела водяная ряска, торфяная труха, колючки — ведь он не только плавал на водохранилище, но и залезал в дренажные каналы, крапиву, репейник, выискивал всякие пакеты, полиэтиленовые бутылки и относил их на помойку. У него было повышенное чувство ответственности за экологическую чистоту местности. И за спокойствие на наших улицах. Случалось, собаки или коты заतेют потасовку, послышится рычание или визг — Вова сразу направляется в «зону

конфликта» и разнимает драчунов. Обычно хватало одного его появления, чтобы бойцы разбегались.

Вова никогда никого не обижал, никогда не ругался, всегда пребывал в ровном состоянии духа — всё это говорило о некоем врождённом благородстве. С посельчанами он держался приветливо, но никому не навязывался в друзья, он как бы говорил — пусть я бездомный и не отказываюсь от угощений, но у меня есть своя гордость. В общем, можно сказать, Вова, простой деревенский парень, имел душу дворянина. Глядя на Вову, я думал: мы все должны быть ответственны за своё жизненное пространство, за всё, что происходит вокруг нас. Должны не только делать красивыми и гармоничными местожительства, но и бороться с несправедливостью, и помогать тем, кто нуждается в нашей помощи.

Я догадывался, что многие собаки-девушки мечтают о киногероях, а то и о принцах. Альме, наоборот, не нравились собаки-медалисты — она считала, что они избалованы вниманием. Альма хотела встретить скромного хвостатого парня, увлечённого своей работой, отважного и честного. Именно таким она представляла себе Вову, который, по её понятиям, был не такой, как все. Я внимательно следил за личной жизнью

своей подружки и заметил — Альма с каждым днём становилась всё более задумчивой, всё чаще поглядывала в сторону Алёхново. Было ясно — она влюбилась.

Каждый раз, когда Вова появлялся на нашей улице, Альма испытывала радостное волнение. Подбежав к изгороди, она больше обычного виляла хвостом, игриво наклоняла голову в разные стороны, при этом в её глазах появлялся такой блеск, которого раньше я никогда не замечал. Но Вова безучастно проходил мимо. Демонстрируя полное пренебрежение к Альме, проходил мимо, лишь искоса взглянув на мою влюблённую подружку. Ну ладно, раньше, когда Альма была девчонкой, он не замечал её, но теперь не обращать внимания на такую красавицу — это уж было слишком. Бесчувственный Вова доставлял Альме немало переживаний.

Глава тридцать первая
***Авиакатастрофа. Наконец Вова
обращает внимание на Альму.***

Однажды мы с Альмой пошли купаться на водохранилище. Там, как обычно, на берегу, на выбеленных солнцем камнях, сидел Вова и зорко наблюдал за пловцами, при этом хмурился и бурчал, если кто-то заплывал слишком далеко.

Мы с Альмой сделали затяжной заплыв и, чтобы обсохнуть, расположились недалеко от Вовы. Внезапно со стороны нашего посёлка послышался сухой треск мотоциклетного моторчика. Треск становился громче, уходил куда-то ввысь — казалось, какой-то безумный мотоциклист, разогнавшись, взлетел в небо.

И вдруг из-за деревьев, уже с грохотом, вылетела гигантская доисторическая птица. Она закрыла тенью весь берег, где мы сидели. Собаки, задржав головы, прижались к земле. Не скрою, я тоже на всякий случай пригнулся — кто знает, что втемяшется в башку этому чудищу. Перед глазами сразу возник эпизод из фильма — кондор в когтистых лапах уносит пятнадцатилетнего капитана. Но, приглядевшись, я увидел, что над нами медленно пролетает... дельтаплан. А под его огромным треугольным крылом восседает... Рахманов! Я сразу понял — он решил осуществить свой план — перелететь на противоположную сторону водохранилища. Только осуществить свой план ему не удалось.

А случилось вот что. Ровно на середине акватории его моторчик стал чихать, потом и вовсе заглох, и наш дорогой авиатор резко спланировал в воду, причём огромное крыло полностью накрыло его. Можно сказать, прихлопнуло, как крышка западни. А как выяснилось позднее, он был привязан! И попробуйте под водой отвязать себя и выбраться из-под огромного навеса, плавающего над вами! А если вы ещё потеряли сознание при ударе о воду, ведь грохнулись с приличной высоты?! Что и говорить, ситуация была страшноватой.

Короче, я вбежал в воду и заработал крелем к месту падения друга. Одновременно со мной в воду плюхнулся Вова и хорошим «собачьим» стилем поплыл рядом со мной. Но на полпути нас опередила... Альма. Она неслась, как моторная лодка, — не только быстро гребла лапами, но и винтообразно крутила хвостом! Не знаю, видели вы подобное собачье плавание или нет, но я видел впервые. Разумеется, моя подружка первой оказалась у плавающего крыла, нырнула под него и вскоре на поверхности появилась вместе с Рахмановым. Мой друг нахлебался воды, но был в сознании. Когда подплыли мы с Вовой, он уже отчихался, отдышался и даже рассказал, как Альма освободила его от ремней, которыми он был привязан к сиденью своего аппарата.

Ну а потом мы вчетвером, толкая перед собой дельтаплан, направились к берегу.

— Жаль, не долетел. Моторчик подвёл. Но я приведу его в порядок и в следующий раз обязательно долечу. А тебе, Альма, огромное спасибо. Если бы не ты...

— Угу-у! — прогудел Вова, соглашаясь с Рахмановым. Всегда невозмутимый, он вдруг расчувствовался, засопел и поцеловал Альму в ухо. От неожиданности Альма застеснялась и опустила голову, но я-то видел,

как ей приятно, что Вова наконец-то обратил на неё внимание.

А Вова не просто обратил внимание, он стал сбивчиво что-то говорить Альме. Я не слышал, что именно, но это было похоже на объяснение в любви. Во всяком случае, Альма так смутилась, что наклонила голову до земли и вроде немного всплакнула.

Их романтические отношения развивались на виду у всех посельчан и, по теперешним понятиям, выглядели старомодно. Посудите сами — Вова ухаживал за Альмой по-рыцарски: каждое утро подходил к нашей калитке с полевым цветком во рту. Альма выходила на улицу, и они бок о бок гуляли по посёлку, при этом Вова не отрывал глаз от Альмы и шевелил губами — было похоже, читал ей стихи. Ну и конечно, они целовались в каждом укромном местечке. Случалось, на пути им попадалось упавшее сухое деревце или внезапно из закоулка выбегал незнакомый пёс-чужак, Вова сразу выступал вперёд, оберегая свою возлюбленную от всяких опасностей и случайных знакомств.

Вова задерживался у каждого красивого палисадника и обращал внимание Альмы на цветы. Вытянувшись, он принимался к запахам, причмокивал и, повернувшись

к Альме, как бы говорил: мои чувства к тебе расцветают так же ярко и пышно, как эти цветы.

В старомодных отношениях есть особая прелесть, особая красота чувств. Посмотрите, как всё происходит в природе. Как трогательно ухаживает воробей за воробьиной — распушив оперение, выпятив грудь, показывая своё чёрное пятнышко, уверенный, что оно самое красивое на свете! А как танцует и воркует голубь перед голубкой! А какие серенады поёт кот своей возлюбленной! И конечно, каждый влюблённый пёс ухаживает за своей подружкой. Быть может, не так галантно, как Вова, но всё же ухаживает. Так предназначено природой, когда одно существо тянет к другому. То же самое и у людей. Именно красивое ухаживание является прелюдией к серьёзным отношениям, к тому, что называется любовью.

В нашем посёлке над Вовой и Альмой никто не усмехался, но, завидев их, все улыбались. «Ромео и Джульетта», — говорили.

Глава тридцать вторая
***Альма участвует
в конкурсе красоты.***

В конце лета Альма ещё больше похорошела, хотя куда уж больше хорошеть — и так была красоткой: стройная, длинноногая, прямо собачка-модель. Однажды в подмосковной газете «Истринские вести» я прочитал объявление: «В Центре досуга «Мир» проводится конкурс красоты среди собак Истринского района».

— Не хочешь поучаствовать? — спросил я свою подружку.

— Не очень, — поджала губы Альма. — Я видела по телевизору такой конкурс среди девушек. Все они глупые какие-то.

— Так-то оно так, — согласился я, — но в газете написано, что конкурс не только на красивую внешность, но и на сообразительность, и на таланты, а ты хорошо танцуешь и поёшь. И премия нам не помешает. Здесь написано: «Премия — заграничный светящийся в темноте ошейник и большой пакет «Charpi».

Альма пожала плечами: — Ну если ты хочешь... Могу поучаствовать...

Платье для Альмы я сделал из занавески в синий горошек — просто вырезал круг для головы посреди полотна, и вышло платье-накидка. А к вырезанному кругу пришил бечёвки — получился отличный берет. Конечно, этот наряд выглядел немного старомодно, но я люблю всё старомодное. В платье-накидке Альма сразу стала очень таинственной и, естественно, особенно красивой.

Конкурс проводился в воскресенье. В центре досуга собралось два десятка собак и их хозяев. Все собаки были породистыми, многие с медалями. На сцене за столом, где записывали участниц конкурса, восседало жюри, известные в области кинологи: две дамы с предельно строгими лицами и старичок с доброжелательной улыбкой. Мы с Альмой подошли к столу, и я протянул паспорт своей подружки. Заглянув в него, обе женщины немало удивились:

— В паспорте написано «беспородная»!

— Неужели вы на что-то рассчитываете? — обратилась ко мне одна из женщин.

— Поймите, у собаки должен быть породный экстерьер, определённые внешние данные, — заявила другая женщина. — Посмотрите на наших участниц. Они все породные. Можно сказать, «с голубой кровью». А ваша... как её... — женщина взглянула в Альмин паспорт, — ваша Альма не поймёшь что.

При этих словах Альма отвернулась, её губы задрожали, она еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

— Давайте в порядке исключения допустим собачку к конкурсу, — вдруг произнёс старичок. — Порода и внешность крайне важны, но не менее важны душевные качества и таланты. И потом, главное ведь не победа, а участие, не так ли? Собачка очень даже симпатичная, — старичок улыбнулся нам с Альмой.

Женская часть жюри нехотя согласилась и записала нас последними из выступающих.

Пока зрители шумно усаживались в зале, участницы конкурса и их хозяева в страшном волнении толпились за кулисами сцены. Одни собаки, высунув языки и нервно зыркая по сторонам, испуганно прижимались к хозяевам, другие придирчиво разглядывали наряды

соперниц и, если что-то нравилось, пускали слюни от зависти, а если не нравилось, пренебрежительно отворачивались. Но несколько представительниц собачьего «слабого пола» (в основном медалистки) вообще ни на кого не обращали внимания. Точнее, безразлично смотрели куда-то вдаль. Они держались совершенно спокойно, и было ясно — им уже наскучили подобные мероприятия, они уже устали от славы.

Среди медалисток выделялась догиня по кличке Афродита, выделялась не только ростом и количеством медалей, но и нарядом. Она была в красном платье, с красным бантом на хвосте и в огромной, с таз, красной шляпе — она выглядела, как гигантский мухомор. Афродита выступала одной из первых. Выйдя из кулис, она безудержно завертела хвостом, строила глазки членам жюри и, пока шла по сцене, кому-то из публики подмигивала, кому-то помахала лапой. Её встретили и проводили громкими аплодисментами.

Затем появилась толстая, коротконогая бассет, которая так тяжело и шумно топала, что, казалось, по сцене катит грузовик. Но и ей хлопали от души. Впрочем, в дальнейшем хлопали всем участницам, что и понятно, ведь не каждый день увидишь такой парад красоток.

В первом туре участницы должны были всего лишь пройти по сцене, чтобы жюри и зрители оценили их экстерьер, походку, наряд и прочее. Когда очередь дошла до Альмы, я подтолкнул её:

— Давай, Альма, вперёд!

Но она попятилась: — Я боюсь!

— Не бойся! У тебя всё получится, ты всё умеешь!

Альма робко вышла из кулис и на секунду растерялась, затопталась на месте, потом обернулась и стала взглядом разыскивать меня среди стоящих за кулисами.

— Давай, Альма! Покажи класс! — подал я голос, подбадривая свою подружку.

Альма встала на задние лапы, приосанилась — спину прогнула, вскинула голову и пошла по сцене. Она двигалась так пластично и мягко, что ее «непородная» красота сразу превратилась в выразительную красоту. Честное слово, моя подружка прошла лучше всех, и не случайно её наградили особенно горячими аплодисментами.

Во втором туре участницам надо было продемонстрировать свои знания и таланты: умение выполнять команды. Команды «сидеть», «лежать», «принести тот или иной предмет» неплохо выполнили все участницы, но, когда дело дошло до талантов, выяс-

нилось, что из всех собак только половина умеет танцевать, а спеть смогли и вовсе лишь четверо. Но как они пели? Просто выли и визжали, хрипели и стонали. Афродита вообще едва вытянула две ноты. От её низкого баса конкурсантки за кулисами вздрогнули, а некоторые задрожали от страха. Было ясно, в смысле музыкального слуха, Афродите медведь на ухо наступил. Тем не менее она покинула сцену, страшно довольная собой — видимо, посчитала, что продемонстрировала немислимые вокальные способности. У всех этих певуний не было главного — мелодии!

Предпоследней выступала Виолетта, колли — медалистка, с серьгами в ушах и браслетами на лапах. В кулисах её поджидал не только хозяин, но и телохранитель — кавказская овчарка; видимо, пёс охранял драгоценности своей опекаемой клиентки. Виолетта более-менее сносно изображала танцовщицу и, в отличие от выступавших до неё, попыталась спеть песню. Она всё время коверкала мелодию, а под конец и вовсе дала петуха, но слушатели были в восторге, ей хлопали так азартно, как хлопают только победителям конкурса. Виолетта и сама была уверена в победе и долго раскланивалась, закатывала глаза и не уходила со сцены, по-

ка старичок из жюри вежливо, но настойчиво не увел её за кулисы.

Зал ещё не успокоился, когда вышла Альма и начала вальсировать по сцене. Изящно выгибаясь, полузакрыв глаза, с мечтательной улыбкой, она кружилась плавно, непринуждённо, легко. Казалось, она совершенно забыла о конкурсе и зрителях, и танцует только для себя. И для меня, конечно. Зал сразу притих.

Закончив вальсировать, Альма, словно вспомнив о конкурсе, внезапно преобразилась — в зажигательном ритме исполнила румбу.

— Ух-х ты! — выдохнул зал.

А моя подружка остановилась посреди сцены и запела. Чисто и звонко. Спела душевно и безошибочно, а закончив песню, поклонилась и быстро убежала со сцены. Вслед ей раздался шквал рукоплесканий и крики:

— Талант! Умница! Молодец, утёрла нос медалистам!

Даже женщины из жюри, как ни крепились, выдали по два-три хлопка, а старичок и не думал сдерживать свои чувства — с первой минуты появления Альмы на сцене он улыбался и кивал в такт её движениям, а когда Альма закончила песню,

первым крикнул «Браво!». Именно старичок, подводя итоги конкурса, объявил Альму победительницей.

Это было зрелище что надо! Представляете, на сцене все конкурсантки, старичок вешает Альме на шею светящийся ошейник, зал аплодирует, а наша героиня, потупив взгляд, смущённо улыбается. Я смотрел на неё и думал: какая в ней хорошая девичья скромность.

К тому же, что ни говорите, а победа в конкурсе всё-таки не шла ни в какое сравнение с настоящими подвигами Альмы — спасением моей и рахмановской жизни, спасением лопоухого пса и поимкой гнусного вора Тихона, поднявшего руку даже на церковную икону.

Увенчанная светящимся ошейником, Альма под гром оваций уже хотела убежать со сцены, как вдруг раздался голос одной из женщин — членов жюри:

— Минуточку внимания! Минуточку внимания!

Овации стихли, а женщина продолжила:

— Произошла ошибка! Мы сейчас просмотрели заявки на участие в конкурсе и выяснилось, что Альма проживает в Москве, а у нас конкурс, как вы знаете, только тех, кто проживает в нашем Истринском районе!

Зрители зашумели. Старичок подошёл к столу жюри, стал что-то говорить женщинам. Они явно с ним не соглашались. Наконец одна из женщин решительно подошла к Альме, сняла с неё ошейник и надела его на колли, а в зал отчеканила:

— Победила наша, истринская Виолетта!

Вбежав за кулисы, Альма забилась в угол и, обхватив голову лапами, заплакала. Она расстроилась не на шутку, слёзы ручьём текли по её мордахе. Я успокаивал её как мог, говорил, что всё равно она лучше всех, и это доказали зрители, что конкурсы проводятся и в Москве и там-то она победит обязательно...

— Это нечестно! Это нечестно! — всхлипывая, бормотала моя несчастная подружка.

Внезапно за кулисами появился член жюри — доброжелательный старичок.

— Понимаете, дорогие мои, — начал он предельно вежливо, даже сердечно, — вне всякого сомнения, Альма — самая красивая и самая талантливая из всех, кого мы просмотрели. Она заслужила первую премию. Но такая штука... Правила есть правила. Так что извините нас...

Глава тридцать третья
Мы спасаем Вову, и не только его.

Однажды рано утром нас с Альмой разбудили Гришка с Мишкой:

— Дядь Лёнь! — кричали они. — Вову забрали собаколовы!

Пока я одевался и заводил машину, Гришка с Мишкой наперебой рассказывали, что обо всём узнали от алёхновских ребят — те ребята видели, как на Вову набросили петлю из проволоки, затащили его в зелёный фургон и куда-то увезли.

Я знал, что бездомных собак привозят на станцию по борьбе с бродячими животными, и догадывался, что такие станции имеются в каждом районном центре. Действительно,

как только мы с Альмой примчали в Истру, первый же постовой указал нам на окраину, где начиналось Пятницкое шоссе.

На станции нас встретил сторож, щедушный мужичок с лиловым носом. Оставив Альму в машине, я подошёл к нему.

— Слушай, мне сказали, что собаколовы забрали моего друга, — в двух словах я описал Вову.

— Вроде есть один долговязый с бельмом на глазу, — нетвёрдо протянул Лиловый Нос. — Но без начальства отдать тебе, дед, не могу.

— А где начальство?

— Уехали на отлов.

— Когда будут?

— Кто ж их знает... Приезжай к вечеру. Ты, дед, того... Не суетись. Собак тут держат по три дня.

— А потом?

— Потом... Ежели хозяин не объявляется, больных усыпляют, а здоровых отправляют на опыты.

— Вот что, давай я тебе заплачу за своего друга, — я достал сто рублей.

— Ну это того... С этого бы и начинал. Пойдём! — Лиловый Нос кивнул на дверь в обшарпанном строении.

Мы спустились в тёмный подвал, где в большой железной клетке находились че-

тыре собаки и среди них... Вова. Сокамерники Вовы, низкорослые дворняжки, нервно бегали по клетке, тяжело дышали, скулили. Вова сидел неподвижно и понуро смотрел себе под лапы. Когда мы подошли к клетке, дворняжки с лаем бросились на железные прутья, они жадно смотрели на меня, смотрели, как на спасителя, прямо умоляли выпустить их на свободу. Вова, увидев меня, вскочил, отряхнулся и, завиляв хвостом, прохрипел: — У-у! Наконец-то!

— Этот кобель? — спросил Лиловый Нос. Я кивнул.

Открыв клетку, Лиловый Нос отогнал дворняжек от выхода, а Вове скомандовал:

— Иди, за тобой пришли!

Вова вышел, привстал на задние лапы и лизнул меня в лицо.

Поднимаясь по ступеням подвала, я обернулся. Прижавшись друг к другу, дворняжки смотрели мне вслед, в их глазах была безнадёжная тоска.

— Слушай! — обратился я к сторожу. — Выпусти и этих собак, хорошо тебе заплачу! — я протянул ему все деньги, какие были.

— Ну, дед, не знаю... — Лиловый Нос почёсал затылок. — Мне ж за это того... Влетит... Ежели только с начальством поделиться...

Он открыл клетку и выпустил дворняжек, а мне пробубнил:

— Зря, дед, стараешься... Их всё одно — отловят.

Выскочив из подвала, дворняжки понеслись по шоссе в сторону дальних посёлков, и я подумал: «Может быть, судьба смилуетя над ними, и их больше не поймают, ведь теперь они будут осмотрительней и постараются спрятаться, завидев зелёный фургон».

Мы с Вовой подошли к машине, и он запрыгнул к Альме на заднее сиденье, чмокнул её в ухо, а когда я сел за руль, положил мне лапу на плечо и пробасил: — Я знал, что вы не оставите меня в беде...

Весь путь до посёлка Вова с Альмой не отрывали взгляда друг от друга.

Но в жизни всё рядом: радость и печаль, смех и слёзы, счастье и несчастье. Особенно мы это почувствовали осенью, когда в очередной раз приехали в посёлок Альма, Маркиза и я. Осень была необыкновенно яркой. В посёлке на деревьях зелёные листья соседствовали с красными и даже с бордовыми. Представляете это буйство цвета?! И вот в эти красочные дни мы узнали, какие события произошли в наше отсутствие.

Рахманов всё-таки перелетел водохранилище и благополучно вернулся в посёлок, даже приземлился на своём участке.

Нежданова перевели на другой приход в Спасскую церковь Солнечногорска, но он по-прежнему приезжал на велосипеде к Рахманову.

А вот Вова, наш дорогой Вова, погиб. В тот день он, как обычно, сидел на берегу водохранилища и вдруг увидел тонущего мальчишку и бросился его спасать. Он проплыл метров двадцать, как в него на полном ходу врезался гидроцикл. Всё произошло нелепо. Во-первых, мальчишка и не тонул вовсе, а дурачился — вскидывал руки и переворачивался в воде. На пляже было много отдыхающих, но они сразу поняли, что к чему. А простодушный, доверчивый Вова бросился на выручку. Во-вторых, парень на гидроцикле ехал задом наперёд, демонстрировал класс девушкам на пляже. Этот лихач и сбил нашего Вову. Его похоронили где-то на берегу, где именно, никто из поселковых не знал.

Гибель Вовы стала для нас с Альмой большой потерей. Мы сильно переживали. Альма ежедневно украдкой плакала, у меня настроение было — хуже нельзя придумать. Даже Маркиза припечалилась. Что

и говорить, Вова для нас был почти родным. Короче, в ту осень все краски для нас сразу пожухли.

Считается, что время всё лечит. Но я знаю точно, что это не так. В моей жизни было немало потерь, от которых до сих пор щемит сердце. И, что странно, эти потери напоминают о себе именно в тот момент, когда у меня всё складывается неплохо. Вероятно, нечто подобное происходило и у Альмы после гибели Вовы. Во всяком случае, я не раз замечал, как она, развеселившись, вдруг впадала в какую-то затаённую грусть.

Глава тридцать четвёртая *Театральная студия.*

На следующий год мы с Альмой и Маркизой приехали на дачу в начале июня. Только въехали на участок, как прибежали Гришка с Мишкой — помогать разгружать машину. Пока носили вещи, Гришка хвастался:

— Дядь Лёнь, мне отец обещал купить карт. Вот погоняем с Мишкой!

— А мы с бабушкой недавно ходили в наш Дом культуры, — говорил Мишка. — Смотрели представление «Сказку про Емелю». Ох и посмеялся я! Дядь Лёнь, там висит объявление, что открывается «Собачий театр». Записывают всех, кто хочет. Запишите Альму, ведь она любит танцевать.

Услышав Мишкино сообщение, Альма вопросительно посмотрела на меня и протянула: — Я с удовольствием выступала бы в таком театре.

Руководила театральной студией молодая, энергичная Анна Калугина. Она крепко пожала мне руку, Альму потрепала по холке и сразу вдохновенно рассказала, что уже два года ведёт детскую театральную студию, но решила осуществить свою пламенную мечту — создать театр, где ребята будут играть вместе с собаками, поскольку «собаки естественней и искренней, чем люди».

— У меня дома очень одарённая лайка, интеллектуал Сократ, а у соседки даровитый пудель Филя, — торопливо говорила Анна. — И у вашей собачки хорошие внешние данные и талантливая мордочка. Чувствуется, она интеллектуалка. Наверняка её душа тянется к сцене. У нас подбирается отличная труппа.

Всё это Анна выпалила азартно, поводя в воздухе рукой и пританцовывая, энергия от неё брызгала, как шампанское из бутылки. Я сразу понял, что у неё горячее сердце, и был уверен — она осуществит свою мечту.

— До студии я работала наездницей в цирке, — продолжала Анна. — Животные в цирке — это ужасно. Я постоянно была в шоке. Несчастные животные всю жизнь проводят в клетках.

Англичане запретили выступать в Англии циркам с животными. И правильно сделали... Надо запретить все клетки и в зоопарках. Только вольеры... Ну вот, а после цирка я работаю здесь. Как вам сказала, веду детскую студию. И решила создать «Собачий театр». Вернее, у меня в одном спектакле будут играть и дети, и собаки. Это необычный большой проект. Но, как вы понимаете, успех большого дела зависит от множества мелочей. То есть нам придётся много репетировать, трудиться не покладая рук и лап.

Нам с Альмой понравилась Анна. С того дня два раза в неделю я подвозил свою «актрису» к Дому культуры. Она бежала на занятие, я, в ожидании, пока она освободится, копался в машине (в ней вечно что-нибудь барахлило) или почитывал в сквере. Иногда тайно, чтобы не мешать творческому процессу, через чуть приоткрытую дверь вместе с хозяевами собак наблюдал за Анной и её учениками. Что я заметил? Все ученики (и дети, и собаки) смотрели на своего преподавателя, как на бога, просто пожирали её глазами и слушали, разинув рты и пасти.

Но что поражало, так это необычный стиль работы Анны. Во-первых, репетируя, она невероятно заводилась — прямо сжигала себя. И естественно, опаляла своих подо-

печных — те тоже заводились и проявляли всё лучшее, что в них было заложено. Вторых, Анна почему-то особенно придирчиво относилась к способным ученикам, часто даже отчитывала их за малейшие промахи. Даже не щадила своего «одарённого» Сократа и «даровитого» Филю своей соседки и моей «талантливой» Альмы. А вот менее способных учеников всячески нахваливала. Стоило какой-нибудь туго соображающей собаке выполнить пустяковое задание, как от Анны слышалось:

— Умничка! Всё замечательно и удивительно! Бесподобно и восхитительно!

Вначале меня удивлял такой несправедливый подход к ученикам, но потом понял, что к талантливым и надо относиться с повышенными требованиями. Как говорится, кому много дано, с того и больший спрос. И вообще строгость и резкость оправданны, если они для пользы дела. Это касается и собак, и детей. Другое дело — слабые ученики. Для них выполнение и пустяковых заданий стоит немалых усилий, и потому их надо всячески поощрять.

Позднее это подтвердила и сама Анна. Как-то после занятий она распекала своего Сократа за лень, несобранность, за то, что он постоянно пялится на Альму и забывает,

что ему надо делать в тот или иной момент. Сократ слушал Анну, кивал после каждого её слова, виновато вилял хвостом, но продолжал зыркать в сторону Альмы.

— Он исправится, — вступился за Сократа.

— Посмотрим, — вздохнула Анна. — У талантливых часто сложные характеры. С ними нелегко. Приходится быть строгой. Сократ — одарённый, умный, но жутко упрямый. Я прямо измучилась с ним. А слабых учеников я поддерживаю. Вон смотрите, сёстры Жучка и Жулька, — она показала на двух дворняжек, бегающих за Домом культуры. — Они живут у гаражей. Здесь, на сцене, многого не понимают, но как стараются! Нельзя от животного требовать больше, чем оно может дать.

— И от человека тоже, — вставил я.

— Разумеется, — улыбнулась Анна.

На первых же занятиях Альма показала себя исполнительной, прилежной ученицей. Анна не могла на неё нарадоваться.

— Я в шоке, — говорила мне. — У Альмы явный актёрский талант. Её пластика, мимическое и вокальное дарование завораживают. У неё всё получается замечательно и удивительно! Бесподобно и восхитительно!

Но давно подмечено, чем талантливей человек, тем больше у него завистников. Тем

более в театре, который отдельные актёры называют «террариумом единомышленников». В «Собачьем театре» у Альмы тоже нашлась завистница. Одна из дворовых сестёр Жулька вначале только копировала балетную походку Альмы, но однажды на глазах у всех «артистов» подсыпала песок в тапочки моей подружки, после чего Анна устроила Жульке показательную взбучку:

— Ах ты, зловредная бестия! Как ты можешь так мерзко поступать?! Ещё раз такое устроишь, отчислю из театра!

Жулька поджала хвост, завалилась на спину, показывая, что полностью признаёт свою вину, и плаксиво пропищала: — Альма, прости, я больше не буду.

Чтобы осуществить «пламенную мечту», Анна решила поставить «Приключения Буратино». Половину главных ролей отдала ребятам, а вторую половину распределила так: на роль Пуделя, естественно, назначила Филю, на роль Кота — Сократа, на роль Лисы — само собой, Альму — кого ж ещё, если моя подружка была вылитой лисой?!

Репетиции уже были в самом разгаре, как вдруг в «собачьей труппе» появилась новенькая — сеттер Нелли. Её привёз на джипе хозяин, наголо бритый громадный

мужчина. Размашисто прошагав по сцене, он зычно представился Анне:

— Фиолетов! Директор крупной фирмы! Прослышал про ваш театральный кружок и решил вам помочь. Готов оплатить ваши декорации, костюмы и прочую музыку!

— Мы будем вам благодарны, — радостно сказала Анна. — Мы действительно нуждаемся в помощи. Городские власти нам не выделяют деньги, держимся на одном энтузиазме. На постановки немного денег собирают родители детей...

— Всё оплачу! — Фиолетов поднял руку. — Но с условием! Мою Нелли возьмёте в труппу и дадите первую роль.

— Хорошо, — согласилась Анна. — Подберём ей какую-нибудь роль.

— Не какую-нибудь, а главную! — нахмурился Фиолетов. — Она чемпионка по экстерьеру, блестяще знает все команды. Даже по-английски. Умеет танцевать и петь, уже снималась в кино. Она легендарная собака!

— Ну хорошо, хорошо, — кивнула Анна.

Когда Фиолетов удалился, Анна устроила Нелли экзамен: попросила её что-нибудь станцевать и спеть. Нелли скорчила насмешливую гримасу и какой-то изломанной походкой продефилировала на сцену.

Она в самом деле умела танцевать, но слишком показно и манерно, слишком выпячивая себя, слишком красуясь перед Анной. И петь она умела. Правда, у неё был не очень приятный, дребезжащий голос, но она явно так не считала — закончив пение, высокомерно посмотрела на «артистов» и щёлкнула языком — вот, мол, как надо петь! «Артисты» поняли, что у Нелли звёздная болезнь и сразу прозвали её воображалой. Тем не менее Анна похвалила Нелли, а на следующей репетиции сказала нам с Альмой:

— Должна вас огорчить. Я решила отдать роль Лисы Нелли. Я понимаю, что такое решение меня не украшает, но войдите в моё положение. Мы же бедные, а хозяин Нелли уже дал деньги на декорации и костюмы. У нас будет замечательный красочный спектакль. Я столько об этом мечтала.

От неожиданности у Альмы перехватило дыхание. Некоторое время она обеспокоенно смотрела на своего преподавателя, потом насупилась и побежала к выходу из Дома культуры.

— Обещаю вам, — продолжила Анна. — В следующей постановке Альма будет играть самую главную роль. Я планирую поставить «Бременских музыкантов».

— Мне-то всё понятно, — огорчённо кивнул я. — Теперь деньги решают всё. Но для Альмы это ещё одна несправедливость после конкурса красоты...

Я повернулся, чтобы пойти за Альмой, но Анна взяла меня за руку.

— Подождите! Я отдам Альме роль Продавца пиявок. Это маленькая, но интересная и сложная роль. Продавец пиявок должен петь красивую песню «Далеко, далеко за морем...». Альма её исполнит лучше всех моих подопечных, я уверена в этом.

— Я поговорю с ней, — только и смог я произнести.

Глава тридцать пятая
«Спектакль для пап и мам».

Альма лежала в сквере у скамьи и горестно смотрела на траву перед собой. Я подошёл, погладил её и нарочито бодрым голосом сообщил, что Анна предлагает ей роль Продавца пиявок. После роли Лисы такое предложение Альма посчитала оскорбительным; она взглянула на меня и буркнула: — Уйду из этого театра!

— Альма, дорогая, не горячись. Любую, даже самую маленькую, роль, можно сыграть прекрасно. Анна сказала, что Продавец пиявок должен петь красивую песню и что ты споешь её лучше всех. А в следующем спектакле она обещала тебе самую главную роль.

С немалым трудом мне всё-таки удалось вернуть Альму на сцену.

Можно получить хорошую роль, правильно спеть песню и неплохо станцевать, можно даже при этом изобразить всякие чувства, но, если артист всё делает бездушно, с холодным сердцем, нас не затронут ни песня, ни танец. Только искренние переживания артиста, его горение и страсть заставят нас радоваться и огорчаться, смеяться и плакать. И вообще, только с горением и страстью можно сделать что-то значительное. А чтобы гореть и заражать других своим горением, нужен талант. И талант всегда заметен. Даже в небольшой роли, в одном куплете песни, в двух-трёх танцевальных движениях. Талантливый человек всё делает чуть-чуть лучше других. Но в этом «чуть-чуть» всё дело.

На деньги Фиолетова Анна заказала декорации и костюмы. Альме сшили чёрный брючный костюм и чёрную шляпу. С марлевым сачком и стеклянной банкой, в которой плавали... не пиявки, конечно, — нитки! — Альма выглядела настоящим Продавцом пиявок.

Как и в настоящем театре, перед премьерой Анна устроила прогон — так называемый спектакль для пап и мам. Зрителями были работники Дома культуры, родители

детей-«актёров» и хозяева собак-«актёров». Я пригласил драматурга Шашина, чтобы он, как профессионал, оценил талант Альмы. До этого я не раз говорил ему о необыкновенных способностях своей подружки. Он слушал меня недоверчиво, хмыкал что-то себе под нос, морщился. А однажды рассмеялся:

— Ты мне все уши прожужжал про свою Альму. Так расхваливаешь её. Может, тебе на ней жениться? — его смех перешёл в хохот. Он долго прыскал и, задыхаясь, всхлипывал, а когда наконец успокоился, серьёзно сказал: — Возможно, у Альмы и есть кое-какие способности, но, чтобы петь — не верю! Хватит меня дурачить! Ты всегда умел погибать, но хотя бы сейчас, под старость, уймись. Сколько можно мне лапшу на уши вешать?!

Свой маленький эпизод Альма сыграла блестяще, особенно душевно спела песню, но на сцене она пробыла всего несколько минут, и те минуты находилась в тени исполнителей главных ролей, поскольку они играли на переднем плане, а Альма — в глубине сцены. Многие в зрительном зале и не рассмотрели Продавца пивовок, заметили лишь чёрный силуэт. Но профессионал видит всё.

— Ты прав, у Альмы налицо талантище. — толкнул меня в бок Шашин, когда Альма ис-

чезла в кулисах. — Она выше всяких похвал, всех переиграла, от всех ушла далеко вперёд. Хотя, думаю, может продвинуться ещё дальше. Чувствуется, у неё огромные возможности. Пожалуй, напишу специально для неё пьесу.

Бесспорно, по таланту Альма была выше своих партнёров, но после спектакля больше всего аплодисментов досталось исполнителям главных ролей: мальчишкам и девчонкам, и, конечно, Филе, Сократу и Нелли.

Для успеха в жизни одного таланта недостаточно, нужна ещё удача, случай. И такой случай вскоре Альме представился.

Глава тридцать шестая

Пьеса для Альмы.

Удача, как правило, сопутствует трудолюбивым, одержимым, неугомонным. И случай, в большинстве своём, представляется тем, кто не опускает руки, не отчаивается, а упорно идёт к цели.

Шашин сдержал слово — написал пьесу для Альмы. Её сюжет был предельно прост: бездомная дворняжка в глухом посёлке с детства мечтала стать актрисой. Она прибегает в большой город и после долгих мытарств осуществляет свою мечту — становится знаменитой актрисой. Пьесу Шашин назвал «Браво, Альма!»

Прочитав пьесу, Анна воскликнула:

— Я в шоке! Всё замечательно и удивительно! Бесподобно и восхитительно! У меня есть знакомый композитор, он напишет к пьесе музыку, и у нас получится красочный мюзикл!

Фиолетов, узнав про новую постановку Анны, заявил ей:

— Всё оплачу, но расклад такой: главную роль сыграет Нелли, и пьеса будет называться «Нелли — суперзвезда!»

Но Анна решительно отвергла это условие:

— Нет, главную роль исполнит Альма. Пьеса написана для неё. Нелли сыграет что-нибудь другое. В прошлый раз я вам уступила, но больше этого не будет, не вводите меня в шок!

— При таком раскладе на постановку не дам ни рубля! — гаркнул Фиолетов. — Посмотрю, как вы без меня выкарабкаетесь!

За помощью Анна обратилась к родителям детей и хозяевам собак. Деньги собирали всем миром, в этом благородном деле участвовали даже сторож и пожарный Дома культуры, и участковый милиционер. Несколько костюмов сшили родители ребят, в основном используя старую одежду, но кое-какие ткани всё же подкупили.

Внесли свой вклад в постановку и мои друзья. Нежданов написал стихи к пьесе, Рахманов из фанеры сколотил часть декораций,

а Дмитрюк живописно расписал их и придумал эффектную афишу. Ну а я усердно, не жалея своего живота, помогал им. Разумеется, помогал сколачивать и расписывать, а не писать стихи, хотя всё-таки Нежданову дал ценный совет — рифмовать Альму с пальмой.

В один из дней Анна познакомила нас с композитором. Он оказался моим давним приятелем! Это был бард Александр Николаевич Жуков. Выяснив, что от него требуется, Жуков раскинул руки:

— Только и всего?! Нет вопроса. Всё сделаю как надо, для меня это несложно. Сочинение запишем на диск, музыку в зал запустим на полную катушку, все вздрогнут. Надеюсь, не забудете поставить мою фамилию на афишу. И покрупнее.

— Не забудем, — заверила Анна композитора. — Но, Александр Николаевич, мы не сможем вам заплатить.

— О деньгах не может быть и речи, — отмахнулся Жуков. — Мои сочинения стоят больше всяких денег.

— Главное — в работу вложить душу, — вставил Нежданов. — Мои стихи лирические, и хотелось бы, чтобы музыка к ним была задушевной, вышибающей слезу.

— Не беспокойтесь, всё сделаю как надо, — успокоил священника-поэта Жуков.

— И учтите, Александр Николаевич, — встревожилась вдруг Анна. — В первой части главная героиня — весёлая, беззаботная собачонка. Для неё мир — замечательный и удивительный. Здесь нужна жизнерадостная музыка. Но потом героиня попадает в город и сталкивается с непониманием и даже с жестокостью. Здесь музыка должна быть печальной. Но, как говорится, мир не без добрых людей. Героиня встречает человека, который разглядел её таланты. Ну и всё заканчивается триумфом героини. И здесь музыка должна быть торжествующей, восхитительной. Тогда у нас будет бесподобный мюзикл, все будут в шоке!

— Совершенно уверен в этом, — кивнул Жуков. — Давайте текст!

Музыку Жуков написал уже на следующий день. Вернее, не написал, а сочинил и держал её в голове, поскольку написать не мог — он не знал нотной грамоты. И «сочинил» не совсем точно — он попросту взял свои старые песни и исполнил их на гитаре одну за другой, но без слов. Получился музыкальный коктейль, или мелодичный винегрет, не знаю, как лучше сказать. Слушатели встретили это сочинение с ликованием.

— Всё удивительно и восхитительно! — праздничным голосом возвестила Анна.

— Угу! — прогудели артисты: мальчишки, девчонки и собаки.

Рахманов с Дмитриюком зашептали:

— Гений! Всего за один день создал такое произведение!

Около месяца проходили репетиции. Питомцы Анны трудились в поте лица, увлечённо, вдохновенно. Особенно старалась Альма, свою роль она исполняла с горением и страстью, с огоньком, как говорила Анна. Моя подружка настолько вошла в образ своей героини, что и дома перед зеркалом проигрывала отдельные эпизоды мюзикла. А случалось, и во сне начинала дёргать лапами и заливисто петь.

В день генерального прогона, чтобы артисты не перегорели, Анна разрешила присутствовать в зале только тем, кто создавал мюзикл, то есть моим друзьям. Ну и мне, который помогал сколачивать и раскрашивать, а главное, как сказала режиссёр, воспитал необыкновенную собачку-артистку.

Несмотря на однообразное бречание гитары, мюзикл получился первоклассным. Во-первых, поражали яркие, живописные декорации. Во-вторых, и дети, и собаки играли так естественно и искренне, что вызывали сопереживание, а это явный признак

настоящего искусства. В-третьих, Альма превзошла саму себя — её эмоциональность, умение танцевать и петь выглядели, как чудо. Во время действия мои друзья то и дело шептали:

— Ну Альма даёт! Поразительно! Громадный талант! Нет слов!..

Глава тридцать седьмая *Последняя.*

Через несколько дней состоялась премьера. Зал Дворца культуры был переполнен. На первый детский мюзикл собралось всё малолетнее население Истры. Разумеется, на представление я привёз и Гришку с Мишкой — как же не взять ближайших дружков Альмы?! И само собой, прикатила вся наша команда создателей мюзикла: Шашин, Жуков, Дмитриук, Рахманов и Нежданов. И приехал мой брат. А вот появление ветеринара Алексея Неведова стало для меня неожиданностью. Он подошёл ко мне в зале, когда мы с Гришкой и Мишкой усаживались в первом ряду на места для

почётных гостей. Поздоровавшись, Неведов представил стоящую рядом симпатичную девушку:

— Вот познакомьтесь. Моя жена. Мы увидели на афише имя Альмы и решили посмотреть спектакль.

Для Неведова и его жены Анна распорядилась поставить стулья у сцены, как для самых почётных гостей. А потом выяснилось, ветеринар когда-то лечил Сократа от кашля.

А теперь немного полетайте на крыльях воображения, представьте себе, как после открытия занавеса перед вами появляется гигантский калейдоскоп — множество разноцветных пятен. Всё, что мы видели на генеральной репетиции — и декорации, и костюмы актёров — и без того яркие, стали ещё ярче, прямо горящими, от них даже чувствовался жар. Зрители были ошеломлены, по залу прошёл вздох восторга. Оказалось, это волшебство произошло от лучей софитов, которые раньше Анне не разрешали включать ради экономии электричества.

Но это не всё. Неожиданно и музыка зазвучала по-новому. Раньше все репетиции проходили под маловыразительное треньканье гитары, а тут вдруг в зал полилось множество красивейших звуков. Позднее Анна

призналась, что оживил сочинение Жукова оркестр народных инструментов при Доме культуры.

— Мне не пришлось уговаривать музыкантов, — пояснила она. — Они сами предложили. И записали музыку на диск. Получилось бесподобное, восхитительное благозвучие.

Играли и дети, и собаки вдохновенно. А выступление Альмы... Она творила что-то неземное, честное слово. Казалось, на сцене собака-инопланетянка. Короче, мюзикл прошел потрясающе. Только на этот раз со мной сидели не друзья, а Гришка с Мишкой, и они во время действия ничего не шептали, они вскакивали и кричали:

— Альма — супер! Альма — круто! Альма — прикольно!

Собственно, это же кричали все ребята в зале. Когда представление закончилось, долго не смолкала овация. Все бросились к сцене и завалили Альму полевыми цветами.

Альма выбежала ко мне невероятно возбуждённая; она ещё не отошла от своей роли, дышала тяжело, её глаза были полны слёз. Счастливых слёз. Но вдруг она уткнулась в мои колени и еле слышно проговорила: — Как жаль, что Вова не увидит этот спектакль...

Ну а на выходе из Дома культуры нас поджидали мои друзья. Они были настолько потрясены, что онемели и таращились на Альму, как на божество. А оборачиваясь ко мне, только разводили руками, давая понять, что стали свидетелями нечто фантастического. Лишь Шашин сказал мне:

— Альма действительно необыкновенная собака. Ты должен написать о ней повесть. Сам знаешь, в пьесе я многое присочинил, а ты напиши, как всё обстояло на самом деле. Вряд ли у тебя получится лучше, чем в моей пьесе, но попробуй!

Я попробовал.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

Однажды зимой.

5

Глава вторая

Улыбчивая птичница.

10

Глава третья

*Некоторые размышления
о «гражданах собачьего племени».*

13

Глава четвёртая

*Птичница показывает своё
истинное лицо. Сторож Тихон
и несчастные охранники грядок.*

17

Глава пятая
Неожиданный звонок.
22

Глава шестая
Страшное зрелище.
26

Глава седьмая
Размышления на дороге.
Непредвиденное усложнение маршрута.
29

Глава восьмая
Доброе сердце и золотые руки
Алексея Неведова. Я становлюсь
ассистентом хирурга.
34

Глава девятая
На даче.
38

Глава десятая
Вова, Мишка, Гришка и другие.
42

Глава одиннадцатая
Знакомство Альмы с моим братом.
Второй приезд в лечебницу.
49

Глава двенадцатая
Рассказ ветеринара.

54

Глава тринадцатая
Новая встреча с Неждановым.

58

Глава четырнадцатая
Наши игры.

61

Глава пятнадцатая
«Собачья школа».

67

Глава шестнадцатая
Третий приезд в лечебницу.

72

Глава семнадцатая
Яркий представитель нашего посёлка.

78

Глава восемнадцатая
«Маленький отважный путешественник».

84

Глава девятнадцатая
*Кое-какие горькие мысли.
Альма спасает мне жизнь.*

91

Глава двадцатая

Чудеса в нашем посёлке.

99

Глава двадцать первая

Прощай, лето!

105

Глава двадцать вторая

Наш двор.

110

Глава двадцать третья

Друзья и соперники.

114

Глава двадцать четвёртая

Брат Альмы.

123

Глава двадцать пятая

У Альмы открываются новые таланты.

128

Глава двадцать шестая

Половодье. Мы с Альмой в ледяной воде.

Художник Валерий Дмитриук.

132

Глава двадцать седьмая

У Рахманова.

141

Глава двадцать восьмая

На рынке в Истре.

147

Глава двадцать девятая

Маркиза. Мечты Мишки

и Гришки.

152

Глава тридцатая

У Альмы появляются поклонники.

161

Глава тридцать первая

Авиакатастрофа. Наконец Вова

обращает внимание на Альму.

169

Глава тридцать вторая

Альма участвует

в конкурсе красоты.

174

Глава тридцать третья

Мы спасаем Вову,

и не только его.

183

Глава тридцать четвёртая

Театральная студия.

189

Глава тридцать пятая
«Спектакль для пап и мам».
198

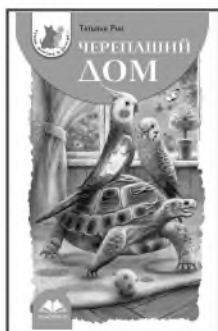
Глава тридцать шестая
Пьеса для Альмы.
202

Глава тридцать седьмая
Последняя.
208

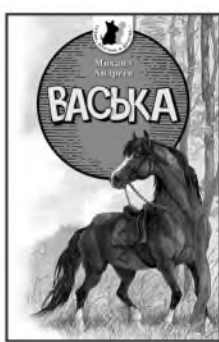
СЕРИЯ
"ТУЗИК, МУРЗИК И ДРУГИЕ..."

Эти книги «полезно почитать и детям, и взрослым. Душа вспоминает, что в мире есть не только работа, деньги, бытовые проблемы, но и доброта, вечность, дружба, любовь».

(«Литературная газета»)

Серия «*Тузик, Мурзик и другие...*» будет интересна всем, кто не безразличен к судьбе тех, «кого мы приручили», кто не зачерствел душой, кто понимает, что всё живое на нашей планете едино.

В серию вошли лучшие произведения современной российской литературы замечательных авторов, пишущих для детей, — Валерия Воскобойникова, Леонида Сергеева, Елены Соковениной, Михаила Андреева, Владимира Каменева, Юрия Ситникова и других.

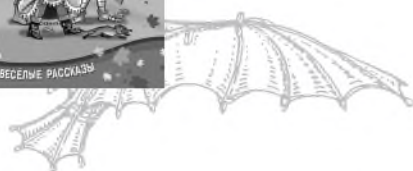
При школьные истории

Самые смешные истории о проделках современных мальчишек и девчонок в школе и дома вы найдёте в весёлой серии **«Школьные прикольные истории»**.

Эти книги написали для вас замечательные детские авторы: Тамара Крюкова, Марина Дружинина, Валентин Постников, Сергей Георгиев, Анна Вербовская, Сергей Силин, Евгения Ярцева, Юлия Кузнецова, Дмитрий Суслин, Анна Кичайкина, Александр Хорт и др.

Книги серии «СОВРЕМЕННОСТЬ и ФАНТАСТИКА»

- это лихо закрученный сюжет
- это реалии наших дней, в которых действуют современные подростки
- это заставляющее мыслить и сопереживать чтение
  - это просто фантастически интересные современные авторы

По вопросам приобретения книг издательства «Аквилегия-М»

обращайтесь по телефонам:

(495) 617-39-60, 589-80-15

akvil@mail.ru

Мы рады вам!

Приглашаем на сайт издательства

www.akvil.net

Леонид Сергеев

АЛЬМА

Литературно-художественное издание

Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 6+

Редактор В.Митин

Дизайн обложки Т.Кудрявцевой

Макет, верстка К.Прокофьева

Художники К.Прокофьев, Н.Соколова

Корректор М.Суховицкая

Подписано в печать 09.06.16

Гарнитура «Literaturnaya». Формат 84х108/32

Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. №

Общероссийский классификатор продукции

ОК 005 93. том 2, 953000 книги, брошюры

Изготовлено в России.

ООО Издательство «Аквилегия-М»

109377, Москва, ул. Академика Скрябина, 5, корп 2

Отпечатано в ООО «ЯПК»,

в полном соответствии

с качеством предоставленных материалов

150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97

Тел. (4852) 45-13-43